

В. А. Томсинов

**Андрей Януарьевич Вышинский
(1883 - 1954):
государственный деятель
и правовед**

Часть 4

**Процесс троцкистско-зиновьевского
террористического центра
19-24 августа 1936 года**

Опубликовано:

Журнал «Законодательство»

2018. № 8. С. 86-94. № 9. С. 87-94. № 10. С. 87-94. № 11. С. 87-94.

1

1 июня 1936 года Г.Г. Ягода представил И.В. Сталину докладную записку о показаниях шести сторонников Г.Е. Зиновьева и Л.Б. Каменева, арестованных еще в связи с убийством С.М. Кирова. «Яковлев и Маторин, — докладывал в ней нарком внутренних дел, — показали, что, со слов Каменева и Бакаева, им было известно, что троцкисты и зиновьевцы объединились на основе террористической борьбы с руководством ВКП (б) и что существует объединенный центр в составе Зиновьева, Каменева, Бакаева, Смирнова, Тер-Ваганяна и Мрачковского»¹. Приложенный к этой записке протокол допроса М.Н. Яковлева, проведенного 27 мая 1936 года, содержал признания, из которых вытекало, что намерение бывших большевистских вождей прибегнуть к террору в борьбе со Сталиным было вполне продуманным. Отвечая на вопрос, что именно говорил Каменев о решении центра организации по подготовке террористических актов над руководителями ВКП (б) и правительства, Яковлев сообщил следователям: «Каменев сказал мне, что в данных условиях единственно возможным методом борьбы против Сталина является террор. Всякий иной путь неизбежно приведет к тому, что нас окончательно разгромят. Шансы на успех только в терроре. Поэтому, пока у нас имеются силы, надо использовать это последнее средство»².

19 июня 1936 года прокурор СССР А.Я. Вышинский и нарком внутренних дел Г.Г. Ягода, во исполнение поручения Политбюро ЦК ВКП (б) от 31 марта указанного года, представили И.В. Сталину список на 82-х «участников контрреволюционной троцкистской

---

¹ Докладная записка Г.Г. Ягоды И.В. Сталину о показаниях арестованных участников троцкистско-зиновьевской организации, с приложением протокола допроса М.Н. Яковлева. 1 июня 1936 г. // Лубянка. Сталин и ВЧК — ГПУ — ОГПУ — НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. Январь 1922 — декабрь 1936. М., 2003. С. 758.

² Протокол допроса Яковлева Моисея Наумовича. 27 мая 1936 г. // Там же. С. 759–760.

организации, причастных к террору» и «подлежащих суду по закону»³ от 1 декабря 1934 г.»⁴. В сопроводительном письме к этому списку, которое было подписано только Ягодой, уточнялось, что в него включены лишь «организаторы террористических актов над руководителями ВКП(б)», «бомбометатели», «группа прикрытия бомбометателей», «участники террористических групп» в Ленинграде и Киеве, «политические руководители и организаторы террористической борьбы с руководством ВКП(б), непосредственно связанные с троцкистским центром за границей»⁵. В списке не было имен Зиновьева и Каменева, тем не менее нарком внутренних дел предложил вновь предать их суду, заверив Сталина, что проведенным расследованием бывшие вожди большевиков «полностью изобличены не только как вдохновители, но и как организаторы террора, не выдавшие на следствии и на суде в Ленинграде террористов, продолжавших подготовку убийства руководителей ВКП(б)»⁶.

Ознакомившись с материалами, представленными Вышинским и Ягодой, Сталин дал им указание подготовить общий судебный процесс над сторонниками Троцкого и Зиновьева. К 20-м числам июля 1936 года эта задача была в основном выполнена. 29 июля в адрес республиканских центральных комитетов, крайкомов, обкомов, горкомов и райкомов ВКП (б) было направлено от имени ЦК ВКП (б) закрытое письмо, в котором были представлены наиболее значимые показания обвиняемых на допросах и вытекающие из них выводы. Его проект составил Н.И. Ежов, занимавший в то время должности председателя Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП (б), а также секретаря и члена оргбюро ЦК ВКП (б). Он же дал и

---

³ Слова «по закону от 1 декабря 1934 г.» в указанном документе подразумевают изданное в этот день Постановление Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР «О внесении изменений в действующие уголовно-процессуальные кодексы союзных республик». См.: За социалистическую законность. Орган Прокуратуры СССР. 1934. № 12. С. 29.

⁴ Записка Комиссии Президиума ЦК КПСС в Президиум ЦК КПСС о результатах работы по расследованию причин репрессий и обстоятельств политических процессов 30-х годов [Не позднее 18 февраля 1963 г.] // Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. Том 2. Февраль 1956 - начало 80-х годов. М., 2003. С. 558.

⁵ Цит. по: Там же.

⁶ Цит. по: Там же.

предварительное название этому документу – «О террористической деятельности троцкистско-зиновьевской контрреволюционной группы». Сталин заменил в этом названии слово «группы» на слово «блока» и внес в текст письма ряд существенных дополнений и поправок. Так, в начальной части письма он добавил фразу о том, что ранее «не была вскрыта роль троцкистов в деле убийства тов. Кирова». В утверждении о том, что объединенный центр троцкистско-зиновьевского контрреволюционного блока ставил «основной и главной задачей» убийство Сталина приписал к своей фамилии Ворошилова, Кагановича, Кирова, Орджоникидзе, Жданова, Косиора и Постышева.

В перечне фактов, установленных следствием, письмо ЦК ВКП (б) от 29 июля 1936 года прежде всего указывало на сведения о том, что «зиновьевцы проводили свою террористическую практику в прямом блоке с Троцким и троцкистами»⁷. «Блок троцкистской и зиновьевско-каменевской группы, – сообщалось в письме, – сложился в конце 1932 года, после переговоров между вождями контрреволюционных групп, в результате чего возник объединенный центр в составе: от зиновьевцев – Зиновьева, Каменева, Бакаева, Евдокимова, Куклина и от троцкистов – Смирнова И. Н., Мрачковского и Тер-Ваганяна. Главным условием объединения обеих контрреволюционных групп было взаимное признание террора в отношении руководителей партии и правительства как единственного и решающего средства пробраться к власти»⁸. Далее утверждалось со ссылкой на конкретные показания обвиняемых, что «после убийства товарища Кирова и разгрома в связи с этим троцкистско-зиновьевского центра Троцкий берет на себя все руководство террористической деятельностью в СССР»⁹ и что «для восстановления террористических групп в СССР и активизации их деятельности» он «перебрасывает из-за границы по подложным документам своих проверенных агентов»¹⁰.

⁷ Закрытое письмо ЦК ВКП (б) «О террористической деятельности троцкистско-зиновьевского контрреволюционного блока». 29 июля 1936 года // Известия ЦК КПСС. 1989. № 8. С. 101.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 106.

¹⁰ Там же.

Одной из главных целей письма было полное развенчание бывших большевицких вождей в глазах членов коммунистической партии. Для этого недостаточно было информации о сотрудничестве Зиновьева и Каменева с Троцким. Окончательно опорочить их могли только факты, показывающие, что они вступили в сговор с врагами Советского государства. И в письме были приведены такие свидетельства обвиняемых на допросах, которые позволили руководству ВКП (б) заявить: «Встав на путь индивидуального белогвардейского террора, троцкистско-зиновьевский блок потерял всякое чувство безгливости и для осуществления своих преступных замыслов стал пользоваться услугами не только разгромленных остатков последышей белогвардейщины, но и услугами иностранной разведки, иностранных охранников, шпионов и провокаторов»¹¹. «Они превратились в организующую силу худших и наиболее озлобленных врагов СССР, потому что у них не осталось никаких политических мотивов борьбы с партией и с Советской властью. кроме голого, неприкрытого карьеризма и желания во что бы то ни стало прокрасться к власти.

Перед лицом совершенно неоспоримых успехов социалистического строительства они вначале надеялись, что наша партия не сможет справиться с трудностями, в результате чего создадутся условия для их возможного выступления и прихода к власти. Но видя, что партия с успехом преодолевает трудности, они ставят ставку на поражение Советской власти в предстоящей войне, в результате чего они мечтают пробраться к власти»¹².

В конце письма пояснялось, что ЦК ВКП(б) считает необходимым довести до сведения всех партийных организаций об этих фактах «террористической деятельности троцкистов и зиновьевцев», чтобы еще раз «приковать внимание всех коммунистов к вопросам борьбы с остатками злейших врагов партии и рабочего класса», показать необходимость всемерного повышения большевистской революционной бдительности. Завершалось письмо призывом: «Неотъемлемым качеством каждого большевика в настоящих

---

¹¹ Там же. С. 109.

¹² Там же. С. 112.

условиях должно быть умение распознавать врага партии, как бы хорошо он не был замаскирован»¹³.

Закрытое письмо ЦУ ВКП (б) «О террористической деятельности троцкистско-зиновьевского контрреволюционного блока» фактически предопределяло исход судебного процесса по этому делу, проходившего с 19 по 24 августа 1936 года. Неслучайно обвинительное заключение, составленное прокурором СССР в своем окончательном варианте за десять дней до его начала, воспроизводило в несколько измененной редакции выдвинутые в указанном письме обвинения против зиновьевцев (включая самого Г.Е. Зиновьева с Л.Б. Каменевым) и троцкистов.

А.Я. Вышинский утверждал в своем заключении «на основании вновь открывшихся обстоятельств, выясненных следственными органами в 1936 году в связи с раскрытием ряда террористических групп троцкистов и зиновьевцев»:

«1. Что в конце 1932 года произошло объединение троцкистской и зиновьевской групп, организовавших объединенный центр в составе привлеченных в качестве обвиняемых по настоящему делу Зиновьева, Каменева, Евдокимова, Бакаева (от зиновьевцев) и Смирнова И.Н., Тер-Ваганяна и Мрачковского (от троцкистов);

2. что основным условием объединения этих контрреволюционных групп явилось взаимное признание индивидуального террора в отношении руководителей ВКП (б) и советского правительства;

3. что именно с этого времени (конец 1932 года) троцкисты и зиновьевцы по прямым указаниям Л. Троцкого, полученным объединенным центром через специальных агентов, сосредоточили всю свою враждебную деятельность против ВКП (б) и советского правительства, главным образом, на организации террора в отношении виднейших руководителей;

4. что в этих целях объединенным центром были организованы специальные террористические группы, подготовившие ряд практических мероприятий по убийству гг. Сталина, Ворошилова,

---

¹³ Там же. С. 115.

Кагановича, Кирова, Орджоникидзе, Жданова, Косиора, Постышева и др.;

5. что одной из этих террористических групп, в составе Николаева, Румянцева, Мандельштама, Левина, Котолынова и других, осужденных Военной коллегией Верховного Суда Союза ССР 28–29 декабря 1934 г., было осуществлено 1-го декабря 1934 года, по прямому указанию Зиновьева и Л. Троцкого и под непосредственным руководством объединенного центра, злодейское убийство С.М. Кирова»¹⁴.

Материалы процесса троцкистско-зиновьевского центра публиковались сначала в газетах (в наибольшем объеме в «Правде» и «Известиях»)¹⁵, в сокращенном и отредактированном виде, а затем их газетная версия была издана народным комиссариатом юстиции СССР на английском языке в виде отдельной книги¹⁶. Данное издание

---

¹⁴ Обвинительное заключение по делу Зиновьева Г.Е., Каменева Л.Б., Евдокимова Г.Е., Смирнова И.Н., Бакаева И.П., Тер-Ваганяна В.А., Мрачковского С.В., Дрейцера Е.А., Гольцмана Э.С., Рейнгольда И.И., Пикеля Р.В., Ольберга В.П., Бермана-Юрина К.Б., Фрица Давида (Круглянского И.И.), М. Лурье и Н. Лурье, обвиняемых в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58-8, 19-58-8 и 58-11 УК РСФСР. Правда. 1936. № 229 (6835). 20 августа. С. 2–3.

¹⁵ Согласно записке заведующего отделом печати и издательств ЦК ВКП(б) Б.М. Таля о порядке освещения процесса в печати, одобренной И.В. Сталиным и утвержденной 19 августа путем опроса остальными членами Политбюро, было установлено: «1) В "Правде" и "Известиях" печатаются ежедневно отчеты о процессе в размере одной полосы. В других газетах печатаются отчеты о процессе размером до половины полосы. Обвинительное заключение и речь прокурора печатаются полностью... 2) Из представителей печати на процесс допускаются по спискам, утвержденным т. Ежовым: а) редакторы крупнейших центральных газет, корреспонденты "Правды" и "Известий"; б) работники ИККИ и корреспонденты для обслуживания иностранной печати; в) корреспонденты иностранной буржуазной печати по списку Наркоминдела» («На процесс допускаются по спискам, утвержденным т. Ежовым». Документы РГАСПИ о «процессе 16-ти». 1936 год // Отечественные архивы. 2008. № 2. С. 127).

¹⁶ Сохранились документы, свидетельствующие о том, что первоначально «Судебный отчет по делу троцкистско-зиновьевского террористического центра» предполагалось издать не только на английском, но и на других европейских языках. 28 августа 1936 г. И.В. Сталин, находившийся на отдыхе в Сочи, сообщил шифрованной телеграммой Л.М. Кагановичу: «Следовало бы перевести на европейские языки отчет о судебном процессе в том виде, в каком он печатался в "Правде" и "Известиях". Обвинительный акт придется включить, речь прокурора также, последние слова обвиняемых обязательно. Издать надо не от Партиздата или "Правды", а от Наркомюста СССР. Это надо сделать поскорее и

имело два титульных листа. На левом было указано русское название книги — «Судебный отчет по делу троцкистско-зиновьевского террористического центра, рассмотренному Военной коллегией Верховного суда Союза ССР 19–24 августа 1936 г.». На правом листе — ее название на английском языке: «Report of Court Proceedings. The Case of the Trotskyite-Zinovievite Terrorist Centre, Heard Before the Military Collegium of the Supreme Court of the U.S.S.R. Moscow, August 19–24, 1936»¹⁷.

Титульный лист на русском языке создает впечатление о том, что наркомат юстиции СССР издал наряду с англоязычной версией данной книги также и ее вариант на русском языке. Историки, изучавшие процесс троцкистско-зиновьевского террористического центра, проходившего в Москве с 19 по 24 августа 1936 года, пытались найти это русскоязычное издание в библиотечных хранилищах, но все их попытки оказывались безуспешными. Английский ученый Роберт Конквест, специализировавшийся на изучении истории Советского государства 30-х годов XX века, писал в одном из примечаний к своему произведению «Большой террор»: «Русского текста этого отчета нам не удалось найти даже в крупнейших библиотеках мира. Мы были вынуждены поэтому прибегнуть к обратному переводу с английского из опубликованного Наркомюстом в 1936 году в Москве Report of Court Proceedings. The Case of the Trotskyite-Zinovievite Terrorist Centre, English Edition, Moscow 1936, указывая страницы именно этого издания»¹⁸.

В 2018 году материалы процесса троцкистско-зиновьевского террористического центра, публиковавшиеся в августе 1936 года в газете «Правда», были изданы в виде книги санкт-петербургским издательством «Арт-Экспресс». В предисловии к ней составители указали:

— «Следов отдельного издания «Судебного отчета по делу троцкистско-зиновьевского террористического центра» не удалось

распространить за границей широко» (Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. М., 2001. С. 651).

¹⁷ В 1976 г. Лондонское издательство «Red Star Press Ltd.» выпустило в свет репринтное издание этой книги.

¹⁸ Конквест Р. Большой террор. Firenze, 1974. С. 92–93.

обнаружить нигде, ни в водной российской библиотеке, хотя мы привлекали к поискам работников многих ведущих библиотек страны;

– попытки поискать в зарубежных библиотеках, в том числе в крупнейших, мирового уровня, тоже ни к чему не привели..;

– эту книгу с тем же печальным результатом искали не только мы, а многие независимые исследователи, частные лица и группы, в числе которых имелись и профессиональные историки.

Сам факт того, что этот источник, как “в воду канул”, в то время как материалы двух других “московских процессов” – 1937 и 1938 годов без всяких проблем можно было либо купить у букинистов, либо найти в Интернете в виде электронных книг, изрядно озадачивал. Вывод можно было сделать только один: в этих материалах содержится нечто такое, что никак не должно было стать публичным достоянием в конце 50-х – начале 60-х годов. Там было что-то, что полностью разоблачало хрущевскую контру, и именно поэтому материалы данного процесса пропали, то есть были уничтожены специально и очень тщательно»¹⁹.

Отсутствие русского варианта печатного издания «Судебного отчета по делу троцкистско-зиновьевского террористического центра, рассмотренному Военной коллегией Верховного суда Союза ССР 19–24 августа 1936 г.» действительно очень странный факт в свете того, что изданные наркоматом юстиции СССР книги, содержащие судебные отчеты по другим весьма значимым делам («антисоветского троцкистского центра», антисоветского «право-троцкистского блока»), рассмотренным Военной коллегией Верховного суда в 1937–1938 годах, сохранились в библиотеках и всегда были доступны читателям²⁰. Более того, сохранилась и стала доступной изданная в 1937 году по машинописному тексту и под грифом «совершенно секретно» «Стенограмма судебного заседания специального

¹⁹ Процесс троцкистско-зиновьевского террористического центра. 19–24 августа 1936 г. СПб., 2018. С. 7–8.

²⁰ См.: Судебный отчет по делу антисоветского троцкистского центра, рассмотренному Военной коллегией Верховного суда Союза ССР 23–30 января 1937 года... М., 1937. Судебный отчет по делу антисоветского «право-троцкистского блока», рассмотренному Военной коллегией Верховного суда Союза ССР 2–13 марта 1938 года... М., 1938.

судебного присутствия Верховного суда Союза ССР от 11 июня 1937 года по делу Тухачевского М.Н., Якира И.Э., Уборевича И.П., Корка А.И., Эйдемана Р.П., Фельдмана Б.М., Примакова В.М. и Путны В.К. по обвинению в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58-16, 58-8 и 58-11 УК РСФСР»²¹. Однако не менее странным представляется и предположение о том, что книга «Судебный отчет по делу троцкистско-зиновьевского террористического центра» была в какой-то момент изъята из российских и иностранных библиотек и уничтожена. Как показывает такая практика, хотя бы один или несколько экземпляров предназначенных к уничтожению книг все равно сохраняются.

Более вероятным кажется другое, а именно: **русскоязычный вариант этой книги так и не был выпущен**. Наркомат юстиции СССР издал только англоязычную версию «Судебного отчета по делу троцкистско-зиновьевского террористического центра». Перед основным текстом этой книги было указано: «Translated into English from the report as published in the IZVESTIA TsIK SSSR (Переведено на английский язык из отчета, опубликованного в газете «Известия ЦИК)»²². И не сохранилось ни одного свидетельства о том, что данный судебный отчет был издан в виде книги и на русском языке.

Дело троцкистско-зиновьевского террористического центра должно было рассматриваться судом в порядке, предписанном Постановлением ЦИК СССР от 1 декабря 1934 года, т.е. без участия сторон, без права на кассационное обжалование и подачу ходатайства о помиловании. Однако за несколько дней до начала процесса ЦИК СССР принял секретное постановление, предписавшее рассматривать это дело, в виде исключения, на основе всех норм Уголовно-процессуального кодекса РСФСР», т.е в открытом заседании и с правом обвиняемых прибегать к помощи защитников. Очевидно, что это решение не могло быть принято без одобрения руководства ВКП (б) и прежде всего И.В. Сталина, но его инициатором являлся скорей

²¹ Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 171. Д. 392. Л. 1-172.

²² Report of Court Proceedings. The Case of the Trotskyite-Zinovievite Terrorist Centre, Heard Before the Military Collegium of the Supreme Court of the U.S.S.R. Moscow, August 19-24, 1936. Moscow, 1936. P. 8.

всего А.Я. Вышинский. Об этом свидетельствует сохранившаяся в Российском государственном архиве социально-политической истории записка прокурора СССР секретарю ЦК ВКП (б) Н.И. Ежову, датированная 2-м августа 1936 года: «Направляю проект постановления Президиума ЦИК СССР, о котором я вчера Вам докладывал, для утверждения ЦК ВКП(б)». К записке был приложен следующий текст: «ЦИК СССР постановляет: В изъятие из постановления ЦИК СССР о порядке рассмотрения дел о террористических организациях и террористических актах против работников советской власти допустить рассмотрение в Военной коллегии ВС СССР дела по обвинению *Зиновьева, Каменева, Бакаева, Рейнгольда, Пикеля, Мрачковского и других* по статьям 58 п. 8 и 58 п. 11⁴ Уголовного кодекса РСФСР с соблюдением всех правил, установленных Уголовно-процессуальным кодексом РСФСР»²³.

Рассмотрение дела троцкистско-зиновьевского террористического центра проходило по заранее разработанному при активном участии А.Я. Вышинского сценарию. Сталин с 14 августа пребывал на отдыхе в Сочи, но внимания своего к этому делу не ослаблял. Это был первый процесс, предполагавший вынесение смертного приговора большевистским вождям, жизнь которых прежде считалась неприкосновенной. Поэтому даже мелкие его детали согласовывались со Сталиным.

17 августа Л.М. Каганович сообщил телеграммой Сталину:

«1) Сегодня беседовали с т.т. Вышинским и Ульрихом и установили: слушание дела начать 19-го в 12 ч[асов] дня с расчетом окончания суда 22-го; допрос вести в следующем порядке: 1) Мрачковский, 2) Евдокимов, 3) Дрейцер, 4) Рейнгольд, 5) Бакаев, 6) Пикель, 7) Каменев, 8) Зиновьев, 9) Смирнов, 10) Ольберг, 11) Берман-Юрин, 12) Гольцман, 13) Н. Лурье, 14) М. Лурье, 15) Тер-Ваганян, 16) Фриц Давид.

2) Роль Гестапо выявлять в полном объеме.

---

²³ РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 189. Л. 4-5. Данное постановление не было опубликовано, поскольку имело статус «секретного».

3) Если обвиняемые будут называть Пятакова и других, не препятствовать. Если у Вас будут указания по этим пунктам, просим сообщить»²⁴.

Первый день процесса – 19 августа – был посвящен формальному опросу подсудимых, чтению обвинительного заключения и допросам²⁵. В 19 часов 15 минут этого дня Л.М. Каганович направил И.В. Сталину первую свою телеграмму с кратким описанием происходившего на судебном заседании. Надо думать, с особым удовольствием Лазарь Моисеевич сообщал: «После оглашения обвинительного заключения все подсудимые опрошены – признают ли себя виновными – все ответили: “Да признаем”... На иностранных корреспондентов признание всех подсудимых в своей виновности произвело ошеломляющее впечатление»²⁶.

Допрос подсудимых вел А.Я. Вышинский. Поскольку обвиняемые отказались не только от защитников, но и от защиты и взяли на себя исполнение функции обвинения в отношении, как себя, так и других подсудимых, его роль в процессе оказалась весьма необычной. Чаще всего он всего лишь помогал подсудимым обвинять себя, подсказывая им своими вопросами те ответы, которые от них требовались по сценарию процесса.

Особенно интересными с этой точки зрения были допросы Каменева и Зиновьева, состоявшиеся во второй день процесса, 20 августа. Меншевик Вышинский просто глумился над вождями большевиков, выставляя их на посмешище. «У меня есть статья ваша “25 лет”, изданная в 1933 году, и у меня есть ваше заявление, написанное в мае 1933 года. Эти статьи и заявление вы писали, когда вами владело то настроение, о котором мы с вами так много говорим? – спрашивал он Каменева. – Как оценить те статьи, в которых вы выражаете преданность партии? Обман?»²⁷ – вопрошал он Каменева. «Нет, хуже

²⁴ Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. С. 631.

²⁵ Стенограмма заседания Военной Коллегии Верховного Суда СССР по делу троцкистско-зиновьевского террористического центра. 19 августа 1936 г. // РГАСПИ Ф. 17. Оп. 171. Д. 381. Л. 4–7.

²⁶ Там же. С. 635.

²⁷ Стенограмма заседания Военной Коллегии Верховного Суда СССР по делу троцкистско-зиновьевского террористического центра. 20 августа 1936 г.

обмана», — отвечал тот. «Вероломство?» — подсказывал прокурор СССР. «Хуже», — продолжал свое покаяние Каменев. «Измена? Хуже обмана, хуже вероломства — найдите слово. Измена? — восклицал Вышинский. «Вы его нашли», — соглашался Каменев. «Это не только личное качество, — продолжал допрос Вышинский, — это общественное явление. Вы это делали по соглашению с Зиновьевым?» «Я делал это не только по соглашению с Зиновьевым, — уточнял Каменев, — а делал это во исполнение определенного, выработанного плана захвата власти, который заключался в сочетании террористического действия с двурушничеством»²⁸.

Цель допроса, казалось бы, достигнута, но Андрей Януарьевич все равно не успокаивался. «Можно Зиновьева спросить? Обвиняемый Зиновьев, — обращался он к соратнику Каменева, — по этому вопросу вы то же самое можете сказать?» «Да», — исторгал из себя Зиновьев. «Подсудимый Каменев, — снова спрашивал Вышинский, — на XVII съезде партии вы выступали с речью, в которой говорили о том, что вы хотели бы сбросить с себя эту ослиную шкуру. Это тоже проявление той же измены, вероломства, двурушничества? «Да», — отвечал Каменев. «Подсудимый Зиновьев, вы то же самое можете сказать? «Да» — соглашался Зиновьев. «Измена, вероломство, двурушничество?» — подсказывал Вышинский. «Да», — решительно соглашался Зиновьев²⁹ (курсив мой. — В.Т.).

Роль Вышинского в процессе была чрезвычайно странной, но при тех признаниях, которые делали подсудимые она другой и не могла быть. «Признаете ли вы, — спрашивал прокурор СССР Каменева, — то обстоятельство, что все способы, методы, формы борьбы, которые вы приняли в тот период времени, носят явно уголовный характер, отдают явной уголовщиной?»³⁰ И Каменев отвечал: «Я могу признать только одно, что поставив перед собой чудовищно-преступную цель дезорганизовать правительство социалистической страны, мы

// РГАСПИ Ф. 17. Оп. 171. Д. 382. Л. 17. При публикации в газете «Правда» этот фрагмент стенограммы был представлен в сокращенном и измененном виде: «Как оценить ваши статьи и заявления, которые вы писали в 1933 г. и в которых выражали преданность партии. Обман?» (Правда. 1936. № 230 (6836). 21 августа. С. 3).

²⁸ РГАСПИ Ф. 17. Оп. 171. Д. 382. Л. 17-18.

²⁹ Там же. Л. 18.

³⁰ Там же. Л. 19.

употребляли методы борьбы, которые, по нашему мнению, соответствовали этой цели и которые так же низки и подлы, как и сама цель, которую мы перед собой поставили». «Правильно, — одобрял подсудимого Вышинский. — Я и хотел, чтобы вы этот вывод сделали»³¹.

Обвиняемые сами становились на путь своего разоблачения и готовы были идти по этому пути до конца. Вышинскому не надо было их уличать, ловить на противоречиях, недомолвках. Надо было только подсказать им, в чем еще они должны были себя обвинить. Стенограмма заседания Военной Коллегии Верховного Суда СССР по делу троцкистско-зиновьевского террористического центра и даже ее подправленные, отредактированные ее фрагменты, опубликованные в газете «Правда», показывают, как незамысловато прокурор СССР это делал.

«Вышинский: Следовательно, вашей политикой против руководства партии руководили мотивы обычного низменного личного порядка — жажда личной власти?

Каменев: Да, жажда власти нашей группы.

Вышинский: Не находите ли вы, что это ничего общего не имеет с общественными идеалами?

Каменев: Оно имеет то общее, что имеет революция и контрреволюция.

Вышинский: Значит вы на стороне контрреволюции?

Каменев: Да.

Вышинский: Следовательно, вы отчетливо себе представляете, что ведете борьбу против социализма?

Каменев: Мы отчетливо представляем, что ведем борьбу против руководства партии и правительства, которые ведут страну к социализму.

Вышинский: Тем самым вы и против социализма?

Каменев: Вы делаете вывод историка и обвинителя»³².

Подобные диалоги, безусловно, придавали процессу троцкистско-зиновьевского террористического центра театральные характер. И,

---

³¹ Там же.

³² Там же. Л. 21–22..

думается, охотно признаваясь в тяжких преступлениях и с удивительным усердием разоблачая себя, подсудимые тем самым надеялись довести его до абсурда. Надо признать — в какой-то степени им удалось это сделать. Но среди их признаний оказались такие, которые нельзя было не воспринять как вполне серьезные, поскольку они явно показывали, что Сталину и его соратникам угрожала реальная опасность со стороны бывших большевистских вождей, отстраненных им от власти. «Террористический заговор, — признавался Каменев во время допроса 20 августа, — был организован и руководим мною, Зиновьевым и Троцким³³... В этот момент я пришел к убеждению, что политика партии и политика руководства победила в том единственном смысле, в котором возможна победа политики в стране социализма, что эта политика признана трудящимися массами... Ставка наша на расчеты, которыми мы руководствовались в предшествующий период — возможность раскола партийного руководства — оказалась битой³⁴... Правительство и руководство партии, которые провели народ через такой важный и трудный этап революции, как индустриализация и коллективизация, не имеют перед собой внутри страны таких трудностей, которые хотя бы в дальнейшем позволили нам рассчитывать на крах их политики³⁵... Наша политика опереться в борьбе за власть на сочувствие масс и завоевание этого сочувствия, сделанная нами в 1928–1929 г. потерпела крах. Тот факт, что вслед за этим крахом мы рассчитывали на мелкобуржуазное течение, которое имело в то время место среди руководства, в виде правых групп — РЫКОВА, БУХАРИНА и ТОМСКОГО., после того, как эта группа была выведена из состава руководства и дискредитирована перед трудящимися — и эта ставка была бита»³⁶.

Рассказав, каким образом он и его сторонники пришли к идее захватить власть путем заговора и террористических актов, Каменев счел необходимым сообщить: «Возможно, что этот заговор не дал бы тех кровавых плодов, которые он дал, если бы те соображения, те

---

³³ Там же. Л. 7.

³⁴ Там же. Л. 8.

³⁵ Там же. Л. 9.

³⁶ Там же. Л. 9–10.

мысли и те чувства, о которых я сейчас говорил, оставались достоянием очень узкого круга бывшей, так называемой ленинградской оппозиции. Должен указать, что в 1932 г. эти **террористические настроения были распространены гораздо шире, именно — в среде всех бывших оппозиционных и превратившихся в контрреволюционные группы**, и что именно эта, если можно так выразиться, широкая атмосфера террористических настроений, охватившая в этот момент эти группы, эта атмосфера терроризма и заговора укрепила нас на том пути, на который мы встали. Мы весьма скоро убедились, что, ставши на этот путь, мы целиком и точно совпадаем с тем путем, на который встал ТРОЦКИЙ и его представительство здесь, в стране. Ранее, однако, чем обратиться к этому решающему моменту для создания заговора, — не для наших террористических мыслей и настроений, а для состава заговора и механики его действия, — раньше, чем обратиться к позициям наших ближайших сотрудников в этом деле — троцкистов и их руководителя ТРОЦКОГО, я должен пояснить, конкретизировать то обстоятельство, на которое я указывал, как **на проникновение террористических настроений в среду всех бывших оппозиционных и превратившихся в контрреволюционные группы»**³⁷ (выделено мною. — В.Т.). Именно это последнее признание Каменева и должно было больше всего ужаснуть Сталина и его сторонников в руководстве ВКП (б) и правительства. Бывший большевистский вождь совершенно недвусмысленно говорил о том, что заговорщическими и террористическими настроениями и замыслами оказались охваченными все оппозиционные группы, существовавшие в большевистской партии. Это означала, что раскол правящего слоя в Советском государстве принял такой характер, при котором возникала реальная опасность новой гражданской войны, причем намного более жестокой, нежели предыдущая.

Приведенные признания Каменева полностью подтверждались показаниями других подсудимых. «Мы [были] уверены в том, что руководство должно быть во что бы то ни стало сменено, что оно

---

³⁷ Там же. Л. 12.

должно быть сменено нами вместе с Троцким и правыми»³⁸, — говорил во время допроса в зале суда Г.Е. Зиновьев.

Все это означало, что раскол правящего слоя в Советском государстве принял такой характер, при котором возникала реальная опасность новой гражданской войны, причем намного более жестокой, нежели предыдущая. Августовский судебный процесс 1936 г. по делу троцкистско-зиновьевского террористического центра был прежде всего ответом на эту страшную для любого зрелого государства и смертельную для государства формирующуюся угрозу.

2

На утреннем заседании 22 августа 1936 г. А.Я. Вышинский произнес обвинительную речь. Ее текст был опубликован на следующий день в газетах «Известия» и «Правда»³⁹, месяц спустя его напечатали в журналах «Социалистическая законность»⁴⁰ и «Советская юстиция»⁴¹. В том же году речь прокурора СССР была издана в виде отдельной брошюры объемом в 64 страницы издательством «Советское законодательство»⁴². Текст этой речи был напечатан также в сборнике судебных выступлений Вышинского, вышедшем в свет первым изданием в 1938 г.⁴³

Английский адвокат (barrister) Дэнис Притт, присутствовавший на всех заседаниях процесса троцкистско-зиновьевского террористического центра, писал впоследствии о выступлении А.Я. Вышинского: «Он говорил в течение четырех или пяти часов. Он выглядел как очень интеллигентный, наделенный довольно мягкими манерами английский бизнесмен. Говорил энергично и ясно. Редко

---

³⁸ Там же. Л. 73.

³⁹ Правда. 1936. № 232 (6838). 23 августа. С. 2–5. Текст этой речи вошел в сборник судебных выступлений Вышинского, вышедший в свет первым изданием в 1938 г. См.: *Вышинский А.Я. Судебные речи.* М., 1938. С. 356–391.

⁴⁰ Социалистическая законность. 1936. № 9. С. 6–23.

⁴¹ Советская юстиция. 1936. № 25. С. 6–16.

⁴² *Вышинский А.Я. Обвинительная речь на процессе троцкистско-зиновьевского террористического центра.* Стенограмма речи государственного обвинителя, прокурора СССР А.Я. Вышинского, произнесенной в судебном заседании Военной Коллегии Верховного Суда СССР 22 августа 1936 г. М., 1936.

⁴³ *Вышинский А.Я. Судебные речи.* М., 1938. С. 356–391.

повышал голос. Совсем не скандировал, не кричал и не стучал по столу. Иногда смотрел на публику или играл для эффекта. Он говорил убедительно; называл подсудимых бандитами и бешеными собаками и предлагал истребить их. Даже в таком серьезном деле, как это, некоторые английские Генеральные прокуроры, возможно, не говорили бы столь убедительно; но во многих менее серьезных случаях многие английские обвинители используют гораздо более жесткие слова. Его не прерывали ни суд, ни кто-либо из обвиняемых. Публика хлопала во время его речи, и никто не пытался прекратить аплодисменты. Это кажется странным для английского сознания, но там, где нет присяжных, это не может причинить большого вреда, и вообще было заметно, что усилия суда подавить, с помощью маленького колокольчика, смех, вызванный либо ответами заключенных, либо каким-то другим инцидентом, не сразу увенчивались успехом»⁴⁴.

Судебный процесс над бывшими вождями большевиков явно воспринимался присутствовавшими в зале судебных заседаний как театральная спектакль. Да и подсудимые вели себя так, будто играли на сцене театра свою роль. Лишь некоторые из них предпринимали робкие попытки защитить себя, отрицая свое участие в террористической деятельности. Большинство же легко и даже пафосно признавалось в совершении самых тяжких преступлений. Они как будто совсем не верили, что оказавшись на скамье подсудимых, взойти на эшафот и неминуемо будут казнены.

---

⁴⁴ «He spoke for four or five hours. He looked like a very intelligent and rather mild-mannered English business man. He spoke with vigour and clarity. He seldom raised his voice. He never ranted, or shouted, or thumped the table. He rarely looked at the public or played for effect. He said strong things; he called the defendants bandits, and mad dogs, and suggested that they ought to be exterminated. Even in as grave a case as this, some English Attorney-Generals might not have spoken so strongly; but in many cases less grave many English prosecuting counsel have used much harsher words. He was not interrupted by the Court or by any of the accused. His speech was clapped by the public, and no attempt was made to prevent the applause. That seems odd to the English mind, but where there is no jury it cannot do much harm, and it was noticeable throughout that the Court's efforts, by the use of a little bell, to repress the laughter that was caused either by the prisoners' sallies or by any other incident were not immediately successful» (*Pritt D.N. The Moscow Trial Was Fair. London, 1936 // <https://www.marxists.org/history/international/comintern/sections/britain/pamphlets/1936/moscow-trial-fair.htm>*

Налет театральности придавался процессу во многом сознательно самими его организаторами. Сталин и его сторонники в правительстве и руководстве ВКП (б) надеялись использовать его для укрепления своей власти в стране. Вместе с тем они стремились получить выгодный пропагандистский эффект и за границей. Именно поэтому в Октябрьский зал Дома Союзов в Москве, где слушалось дело троцкистско-зиновьевского террористического центра, были допущены корреспонденты влиятельных иностранных средств массовой информации. Главный обвиняемый этого процесса отсутствовал в зале, но именно о нем больше всего говорилось в ходе судебных заседаний, именно в его адрес было брошено больше всего инвектив и проклятий. И это не случайно. Троцкий раскалывал рабочее и коммунистическое движение в западных странах, которое руководство Советского государства все еще считало главным своим союзником на международной арене. Судебный процесс над так называемым «троцкистско-зиновьевским центром» был задуман в качестве «показательного» еще и потому, что должен был показать перерождение товарища Троцкого из революционера-коммуниста в обыкновенного уголовного преступника-террориста.

Использование судебных процессов для достижения политических целей и придание им для этого показательного характера к середине 30-х годов стало уже политико-юридической традицией Советского государства. Эта традиция была заложена и теоретически обоснована никем иным, как самим В.И. Лениным. В частности, он предлагал использовать жанр показательного судебного процесса в борьбе с таким пороком бюрократической системы управления, как волокита.

В письме наркому юстиции РСФСР Д.И. Курскому от 3 сентября 1921 года Владимир Ильич начертал даже целый план судебных мероприятий для ее искоренения: «Волокита это особенно в московских и центральных учреждениях самая обычная. Но тем более внимания надо обратить на борьбу с ней. Мое впечатление, что НКЮст относится к этому вопросу чисто формально, т. е. в корне неправильно. Надо: 1) поставить это дело на суд; 2) добиться ошельмования виновных и в прессе и строгим наказанием; 3) подтянуть судей через ЦК, чтобы карали волокиту строже; 4) устроить

совещание московских народных судей, членов трибуналов и т. п. для выработки успешных мер борьбы с волокитой; 5) обязательно этой осенью и зимой 1921-22 гг. поставить на суд в Москве 4-6 дел о московской волоките, подобрав случаи “поярче” и сделав из каждого суда *политическое* дело; 6) найти хотя бы 2-3 умных «экспертов» по делам о волоките из коммунистов по- злее и побойчее (привлечь Сосновского), чтобы научиться травить за волокиту; 7) издать хорошее, толковое, не бюрократическое письмо (циркуляр НКЮ) о борьбе с волокитой»⁴⁵. Д.И. Курский не выполнил указаний председателя Совнаркома, но Ленин оказался настойчивым и повторил свое требование «сделать из каждого суда политическое дело» над волокитой еще раз — в письме от 4 ноября 1921 года⁴⁶.

Первостепенное значение в политических судебных процессах В.И. Ленин придавал обвинительной речи прокурора. По его мысли, прокурор должен был выступать в таких процессах не только обвинителем, но также идеологом.

Все эти ленинские указания воспринимались советской прокуратурой как обязывающие предписания. В методическом письме прокуратуры СССР «Участие прокурора в судебном следствии», составленном в 1938 году известным советским правоведом, специалистом в области уголовного процесса М.С. Строговичем под редакцией А.Я. Вышинского, говорилось: «От прокурора в суде требуется максимальная бдительность в разоблачении перед судом и перед широкими массами трудящихся врагов народа, диверсантов, троцкистско-бухаринских изменников, фашистских шпионов и др. От прокурора на суде требуется максимальное умение, максимальная решительность и настойчивость в изобличении лиц, виновных в совершении преступлений, посягающих на социалистический правопорядок и права граждан

⁴⁵ Ленин В.И. Письмо в НКЮ Д.И. Курскому о борьбе с волокитой судебными мерами. 3/IX [1921 г.] // Ленинский сборник. Том 8. М., 1928. С. 35–36. Также см.: Ленин В.И. Письмо Д.И. Курскому 3 сентября [1921 г. Москва] // Ленин В.И. Сочинения. Том 29. Письма 1911–1922. Издание второе, исправленное и дополненное. М., 1932. С. 403–404.

⁴⁶ Ленин В.И. Письмо Д.И. Курскому 4 ноября 1921 г. // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Издание пятое. Том 54. Письма. Ноябрь 1921 – март 1923. М., 1975. С. 1.

СССР. От прокурора требуется в то же время полная обоснованность всех его выступлений и утверждений на суде и неуклонное соблюдение предписаний социалистического закона». После этих рекомендаций отмечалось: «Для советского прокурора руководящими должны быть указания Владимира Ильича Ленина, данные им в письме о борьбе с волокитой. Ленин писал, что обвинитель должен “перед всеми разнести вдрызг, осмеять и опозорить преступление”; в то же время обвинитель должен “поставить обвинение разумно, правильно, в меру”»⁴⁷.

Методическое письмо подразумевало в данном случае замечание В.И. Ленина о прокурорской обвинительной речи из его письма А.П. Богданову от 23 декабря 1921 года. «Не понимаю, почему умный обвинитель не может перед всеми разнести вдрызг, осмеять и опозорить “богдановскую” и “осинскую” защиту бюрократической волокиты и вместе с тем поставить обвинение разумно, правильно, в меру?»⁴⁸ — спрашивал он.

А.Я. Вышинский при составлении обвинительных речей всегда следовал этому ленинскому рецепту. Своему выступлению на процессе троцкистско-зиновьевского террористического центра он сознательно придал политический характер, чтобы «перед всеми разнести вдрызг, осмеять и опозорить преступление». Особенно явно это проявлялось в первой его части, причем не только в содержании, но и в названиях разделов: «Троцкистско-зиновьевский центр — **банда презренных террористов**», «**Троцкий, Зиновьев, Каменев —**

---

⁴⁷ Участие прокурора в судебном следствии. Методическое письмо Прокуратуры Союза ССР, составленное т. М.С. Строговичем под редакцией т. А.Я. Вышинского // Социалистическая законность. 1938. № 8. С. 47.

⁴⁸ Ленин В.И. Письмо П.А. Богданову 23 декабря [1921 г. Москва] // Ленин В.И. Сочинения. Том 29. Письма 1911–1922. М., 1932. С. 415. В своем учебнике уголовного процесса и в учебном пособии «Уголовный процесс», вышедших в 1938 г., М.С. Строгович, процитировав эти указания Ленина, отметил, что они «представляют в сжатом виде целое руководство для работников суда и прокуратуры и показывают, как надлежит на практике применять процессуальные формы, как следует строить уголовный процесс, чтобы он обеспечил максимальный общественный эффект и правильное по существу решение уголовных дел» (Строгович М.С. Учебник уголовного процесса. М., 1938. С. 61. Строгович М.С. Уголовный процесс. М., 1938. С. 58). То же самое и в издании: Строгович М.С. Уголовный процесс. М., 1941. С. 75.

заклятые враги Советского Союза», «Двурушничество, обман и провокация — основной метод троцкистов-зиновьевцев».

Содержание обвинительной речи Вышинского показывает, что он говорил весьма эмоционально, допуская даже ругательные выражения в адрес подсудимых, но в то же время его выступление не было лишено логической стройности. «Товарищи судьи, товарищи члены Военной Коллегии Верховного суда Союза! — начал прокурор СССР свою речь. — Три дня со всей тщательностью и вниманием вы исследовали представленные государственным обвинением улики и доказательства, направленные против сидящих здесь на скамье подсудимых людей, обвиняемых в совершении тягчайших государственных преступлений. Со всей возможной тщательностью вы подвергли исследованию и судебной проверке каждое из этих доказательств, каждый факт, каждое событие, каждый шаг обвиняемых в течение многих лет нанизывающих одно преступление на другое в своей борьбе против советского государства, против советской власти и нашей партии, против всего нашего советского народа.

Ужасна и чудовищна цепь этих преступлений, направленных против нашей социалистической родины, преступлений, каждое из которых достойно самого сурового осуждения и самой суровой кары. Ужасна и чудовищна вина этих преступников и убийц, поднявших руку против руководителей нашей партии, против товарищей Сталина, Ворошилова, Жданова, Кагановича, Орджоникидзе, Косиора и Постышева, против наших руководителей, руководителей советского государства. Чудовищны преступления этой банды людей, не только подготовивших террористические акты, но и убивших одного из лучших сынов рабочего класса, одного из преданнейших делу социализма, одного из любимейших учеников великого Сталина, пламенного трибуна пролетарской революции незабываемого Сергея Мироновича Кирова»⁴⁹.

В сохранившемся в архиве первоначальном машинописном тексте данной речи с рукописной правкой самого Вышинского на

---

⁴⁹ Процесс троцкистско-зиновьевского террористического центра. Речь государственного обвинителя прокурора СССР тов. А.Я. Вышинского // Правда. 1936. № 232 (6838). 23 августа. С. 2.

месте фразы «ужасна и чудовищна цепь этих преступлений» стоят слова: «Ужасны и чудовищны цели этих преступлений»⁵⁰. Во втором варианте этого текста Андрей Януарьевич почему-то заменил своей рукой юридический термин «цели» на бытовое слово «цепь»⁵¹. Между тем почти половину своего выступления прокурор СССР посвятил именно **целям** преступной деятельности подсудимых.

Для ее оценки прокурор СССР специально подбирал определения, способные вызвать максимальное возмущение в адрес обвиняемых со стороны советского общества. «Этот процесс, — восклицал он, — “герои” которого связали свою судьбу с фашистами, с агентами полицейских охранок, “герои” которого потеряли всякую разборчивость в средствах и дошли до геркулесовых столбов двурушничества и обмана, возвели вероломство и предательство в систему, в закон своей борьбы против Советского государства, этот процесс вскрыл до конца и еще раз доказал, как велика и безмерна злоба и ненависть наших врагов к великому делу социализма; этот процесс показал, как ничтожны эти враги, мечущиеся и кидающиеся от одного преступления к другому. Презренная, ничтожная, бессильная кучка предателей и убийц — она думала остановить своими грязными преступлениями биение могучего сердца нашего великого народа! Презренная, ничтожная кучка авантюристов пыталась грязными ногами вытоптать лучшие благоухающие цветы в нашем социалистическом саду»⁵². «СССР побеждает, СССР строит социализм, в СССР торжествует социализм. Тем сильнее их ненависть против ЦК, против товарища Сталина и правительства, которым страна обязана этой победой, которыми страна гордится. В мрачном подполье Троцкий, Зиновьев и Каменев бросают подлый призыв: убрать, убить! Начинает работать подпольная машина, оттачиваются ножи, заряжаются револьверы, снаряжаются бомбы, пишутся и фабрикуются фальшивые документы, завязываются тайные связи

---

⁵⁰ Стенограмма заседания Военной Коллегии Верховного Суда СССР по делу троцкистско-зиновьевского террористического центра. 21-22 августа 1936 г. // РГАСПИ Ф. 17. Оп. 171. Д. 383. Л. 164.

⁵¹ Стенограмма заседания Военной Коллегии Верховного Суда СССР по делу троцкистско-зиновьевского террористического центра. 22-24 августа 1936 г. // РГАСПИ Ф. 17. Оп. 171. Д. 384. Л. 85.

⁵² Правда. 1936. № 232 (6838). 23 августа. С. 2.

с германской политической полицией, расставляются посты, тренируются в стрельбе, наконец, стреляют и убивают»⁵³.

Вышинский понимал, что желания, замыслы, планы только в том случае образуют состав преступления, если дополняются соответствующими действиями. Именно это и есть главное, говорил он, в своей обвинительной речи. «Контрреволюционеры не только мечтают о терроре, не только строят планы террористического заговора или террористического покушения, не только готовят к этим злодейским преступлениям, но осуществляют их, стреляют и убивают! Главное в этом процессе — в том, что они претворили свою контрреволюционную мысль в контрреволюционное дело, свою контрреволюционную теорию в контрреволюционную террористическую практику: они не только говорят о стрельбе, но они стреляют, стреляют и убивают!»⁵⁴

При подведении итога первой части обвинительной речи прокурор СССР заявил: «Троцкистско-зиновьевский центр был организован на террористической основе и имел свою программу, правда, очень примитивную и простую, выражающуюся в немногих словах, для составления которой не нужно было затрачивать даже и тех двух часов, о которых говорили здесь с презрением сами подсудимые. Их программа внутренней политики исчерпывалась⁵⁵ убийством, их программа внешней политики — поражением СССР в войне, их метод — вероломством, коварством, изменой»⁵⁶.

Смысл терминов «террор», «терроризм», «террористический акт», которые Вышинский употреблял в своей обвинительной речи, отличался от значения, вкладываемого в них в настоящее время⁵⁷.

---

⁵³ Там же. С. 3.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ В машинописном варианте стенограммы на месте слова «исчерпывалась» стояло другое слово: «Их программа внутренней политики определялась убийством» (РГАСПИ Ф.17, Оп. 171, Д. 382. Л. 195).

⁵⁶ Правда. 1936. № 232 (6838). 23 августа. С. 3.

⁵⁷ Статья 205 ныне действующего Уголовного кодекса РФ дает следующее определение террористического акта: «Совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в целях дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений, а

Действовавший в то время Уголовный кодекс РСФСР определял террористический акт как деяние, направленное на убийство конкретных людей: «представителей Советской власти или деятелей революционных рабочих и крестьянских организаций». Предусматривавшая это преступление статья 58⁸ была введена в действие Постановлением ВЦИК и СНК от 6 июня 1927 года. Совершение террористических актов и участие в их выполнении, хотя бы и лицами, не принадлежащими к контрреволюционной организации, влекли за собой «высшую меру социальной защиты — расстрел или объявление врагом трудящихся с конфискацией имущества и с лишением гражданства союзной республики и, тем самым, гражданства Союза ССР и изгнанием из пределов Союза ССР навсегда, с допущением, при смягчающих обстоятельствах, понижения до лишения свободы на срок не ниже трех лет, с конфискацией всего или части имущества»⁵⁸.

Обвиняя подсудимых в создании тайной организации, направленной на физическое уничтожение руководства ВКП (б) и советского государства, Вышинский ссылаясь главным образом на их собственные показания, данные во время следствия и в ходе судебного процесса. «Террор лежал в основе всей их деятельности, он был базой троцкистско-зиновьевского объединения», — заявлял прокурор СССР и пояснял: «Здесь совершенно согласно об этом показали люди, непосредственно друг с другом не связанные в их подпольной работе... Все эти лица под тяжестью предъявленных им улик не смогли дальше заператься и должны были признать, что главным и даже единственным объединявшим их преступную деятельность средством борьбы против советской власти и партии был террор, были убийства... Именно насильственное устранение руководства ВКП (б) и советского правительства являлось основной задачей этого троцкистско-зиновьевского блока, который по справедливости можно

также угроза совершения указанных действий в целях воздействия на принятие решений органами власти или международными организациями».

⁵⁸ Постановление Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров от 6 июня 1927 г. «Об изменении Уголовного кодекса РСФСР в редакции 1926 г.» // Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства РСФСР, издаваемое Народным Комиссариатом Юстиции. 1927. № 49. С. 586.

назвать, как я это и сделал в обвинительном заключении, обществом политических убийц»⁵⁹.

В обоснование этого вывода Вышинский привел, помимо показаний подсудимых, призыв Л.Д. Троцкого «убрать Сталина», выраженный им в открытом письме в адрес Президиума ЦИК СССР, опубликованном в марте 1932 года в «Бюллетене оппозиции». Вождь большевиков-революционеров написал его после того, как ознакомился с напечатанным в газете «Правда» Постановлением Президиума ЦИК СССР от 20 февраля 1932 года о лишении «за контрреволюционную деятельность» 37 лиц, проживающих за границей в качестве эмигрантов и сохранивших еще советские паспорта, «союзного гражданства с запрещением им въезда в Союз ССР по документам иностранных государств». В списке этих лиц Троцкий увидел себя и членов своей семьи – жену Наталью Ивановну Седову и сына Льва Львовича Седова. В ответ на данную меру он разразился гневным письмом. Главным инициатором принятия указанного постановления Лев Давидович счел И.В. Сталина⁶⁰, поэтому именно на него обрушил самые жесткие слова. «Сталин завел вас в тупик, – заявил он, обращаясь к Президиуму ЦИК. – Нельзя выйти на дорогу иначе, как ликвидировав сталинщину. Надо довериться рабочему классу, надо дать пролетарскому авангарду возможность, посредством свободной критики сверху донизу, пересмотреть всю советскую систему и беспощадно очистить ее от накопившегося мусора. Надо, наконец, выполнить последний настойчивый совет Ленина: **убрать Сталина**»⁶¹.

17 апреля 1937 года Лев Троцкий в заключительной речи на заседании общественной комиссии по расследованию выдвинутых против него обвинений⁶², будет утверждать, что писал в данном

---

⁵⁹ Правда. 1936. № 232 (6838). 23 августа. С. 2.

⁶⁰ По словам Троцкого, «Сталин слишком на сей раз высунулся из-за кулис и неосторожно обнажил свой подлинный политический и моральный рост».

⁶¹ Троцкий Л.Д. Открытое письмо Президиуму ЦИК'а СССР // Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1932. № 27. С. 6.

⁶² Данная комиссия заседала в резиденции Троцкого в Мексике с 10 по 17 апреля 1937 г. В ее состав вошло 11 общественных деятелей из различных стран, большинство из которых являлись по профессии журналистами и только один (Джон Финнерти) был профессиональным юристом. Председателем комиссии

письме не «о физическом уничтожении Сталина, а лишь о ликвидации его аппаратного могущества»⁶³. Однако Вышинский, доказывая в обвинительной речи, что Троцкий подстрекал именно к убийству Сталина, опирался не только на его открытое письмо Президиуму ЦИКа, в котором он призвал «убрать» Сталина. «Этот подлый призыв, – говорил прокурор СССР, – с еще большей откровенностью Троцкий обратил к ряду своих зарубежных учеников, завербованных им в качестве убийц для переброски в СССР, с целью организации террористических актов и покушений против руководителей нашего советского государства и нашей партии. Об этом здесь подробно рассказывал подсудимый Фриц Давид. Он сообщил, как в ноябре 1932 года он беседовал с Троцким и как во время этой беседы Троцкий сказал буквально следующее: “Сейчас нет другого выхода, как только насильственное устранение Сталина и его сторонников. Террор против Сталина – вот революционная задача. Кто революционер – у того не дрогнет рука”⁶⁴. С этой целью Троцкий занимался подбором экзальтированных людей, внушая им, чтобы они осуществили этот контрреволюционный акт, как какую-то “историческую миссию”. Берман-Юрин показывал здесь, что Троцкий систематически и неоднократно говорил: “До тех пор, пока Сталин не будет насильственно убран – нет никакой возможности изменить политику партии; в борьбе против Сталина нельзя останавливаться перед крайними мерами – Сталин должен быть физически уничтожен”. Фриц Давид и Берман-Юрин вели с Троцким разговоры об убийстве Сталина. Они приняли от Троцкого задание и сделали целый ряд практических шагов, чтобы это задание осуществить. Разве этого

стал Джон Дьюи, профессор философии Колумбийского университета. Главной задачей комиссии было восстановить репутацию Троцкого, пошатнувшуюся после выдвинутых в его адрес на прошедших в Москве судебных процессах над большевистскими вождями обвинений в терроризме.

⁶³ Контрпроцесс Троцкого. Стенограмма слушаний по обвинениям, выдвинутым на московских процессах 1930-х гг. М., 2017. С. 565.

⁶⁴ Здесь Вышинский сослался на том 8 лист 62 дела троцкистско-зиновьевского террористического центра.

мало, чтобы они были достойны самого сурового наказания, предусмотренного нашим законом, — расстрела?»⁶⁵.

Самым стойким из обвиняемых на допросах во время следствия и в судебном процессе был Иван Никитич Смирнов⁶⁶. Он решительно отрицал какое-либо свое участие в террористической деятельности троцкистско-зиновьевского центра, но при этом подтвердил, что во время заграничной командировки в Берлин, куда он прибыл в мае 1931 года, ему довелось в июле встретиться со старшим сыном Троцкого Львом Седовым. В начале беседы Смирнов по просьбе Седова рассказал о том, что делается в СССР, что «пяtilетка проходит хорошо, с большим напряжением, трудностями, но вообще⁶⁷ проходит хорошо и выйdet», что «несколько хуже дело обстоит в деревне»⁶⁸. «А как вы перешли на разговор о терроре?» — спросил Вышинский. Смирнов ответил: «Когда я все это ему рассказал, когда он сообщил, что делается за границей и когда между нами происходил обмен мнений, он сказал, что ему кажется, что старая форма борьбы теперь уже не даст результатов и, что, пожалуй, террористический способ борьбы мог бы дать более положительные результаты. Но это было изложено довольно необоснованно»⁶⁹.

---

⁶⁵ Правда. 1936. № 232 (6838). 23 августа. С. 3. Стенограмма заседаний Военной Коллегии Верховного Суда СССР по делу троцкистско-зиновьевского террористического центра. 22-24 августа 1936 г. // РГАСПИ Ф. 17. Оп. 171. Д. 384. Л. 19.

⁶⁶ На утреннем заседании 21 августа Вышинский при допросе И.Н. Смирнова после того, как столкнулся с его отрицательными ответами, счел необходимым заметить: «В томе 29 (л. д. 7) имеются показания СМИРНОВА, которые разрешите огласить. Это — тот самый протокол, где СМИРНОВ отрицает все подряд, даже отрицает то, что вчера он, наконец, признал. Это — первый протокол допроса от 20 мая 1936 г. (каждая страница подписана СМИРНОВЫМ), где СМИРНОВ все время говорит: “я это отрицаю”, “я это отрицаю”, “я это отрицаю” — все время отрицает. Вы помните этот протокол?» (Стенограмма заседания Военной Коллегии Верховного Суда СССР по делу троцкистско-зиновьевского террористического центра. 21-22 августа 1936 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 383. Л. 11).

⁶⁷ Так в стенограмме. — В.Т.

⁶⁸ Стенограмма заседания Военной Коллегии Верховного Суда СССР по делу троцкистско-зиновьевского террористического центра. 20 августа 1936 г. // РГАСПИ Ф. 17. Оп. 171. Д. 382. Л. 126.

⁶⁹ Там же. Л. 127.

Факт встречи И.Н. Смирнова с сыном Троцкого в июле 1931 года спустя некоторое время после завершения процесса троцкистско-зиновьевского террористического центра подтвердил сам Лев Седов в очерке «Московский процесс — процесс над Октябрем», опубликованном сначала в «Бюллетене оппозиции», а затем в виде брошюры под названием «Красная книга о московском процессе», вышедшей в Париже на французском языке⁷⁰. Описывая эту встречу, сын Троцкого отрицал, что передавал Смирнову установку на террор, как на единственную меру, могущую изменить положение в Советском Союзе, но подтвердил, что они «прежде всего обменялись информацией» и Смирнов, «не останавливаясь прямо на вопросе о своем отходе от оппозиции, указал и настоял на том, что между ним и Л.Д. Троцким имеется прежде всего то разногласие, что он, Смирнов, не разделяет точки зрения Л.Д. Троцкого о необходимости вести в СССР политическую работу», так как «нынешние условия в СССР не позволяют вести никакой оппозиционной работы, и что во всяком случае нужно ждать изменения этих условий»⁷¹.

Услышав от Смирнова, что он не согласился с установкой на террор, Вышинский выразил удивление: «Хотя Вы с Седовым не согласились, однако, сочли необходимым сообщить об этом своей подпольной организации?» «Да не предполагал, что они ее воспримут как установку Троцкого»⁷², — ответил Смирнов, явно себя выгораживая. Однако другие подсудимые не позволили ему остаться в стороне. С.В. Мрачковский, отвечая на вопрос Вышинского: что ему говорил Смирнов о свидании с Седовым, сообщил: «Раньше он пытался отрицать свидание с СЕДОВЫМ, говорил, что он не хотел этой встречи. Затем он мне сказал, что он через СЕДОВА связался с ТРОЦКИМ и получил указания о терроре. СМІРНОВ здесь который

⁷⁰ Le livre rouge du procès de Moscou. Documents recueillis et rédigés par L. Sédov. Édité par le Parti Ouvrier Internationaliste, Éditions Populaires, 1936.

⁷¹ Седов Л.Л. Московский процесс — процесс над Октябрем // Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1936. № 52–53.

⁷² Стенограмма заседания Военной Коллегии Верховного Суда СССР по делу троцкистско-зиновьевского террористического центра. 20 августа 1936 г. // РГАСПИ Ф. 17. Оп. 171. Д. 382. Л. 129–130.

раз уже упоминает о том, что установка была привезена не как установка, а как простая информация»⁷³.

«Как личная точка зрения»? — уточнил Вышинский. «Извините меня, — сказал Мрачковский, — мне очень трудно определить разницу между головой СМИРНОВА и его сапогами, но найти разницу между информацией и дачей установки — для меня не так трудно, и как будто мы все поняли, что вопрос — не информационный, а вопрос директивный»⁷⁴.

В. Ольберг при допросе во время судебного процесса дал еще более страшные для И.Н. Смирнова показания. Он сообщил, что в одну из встреч с Седовым, которая имела место в ноябре или декабре 1931 года, сын Троцкого рассказал ему о свидании со Смирновым в «совершенно иной версии», чем та, которая прозвучала в зале суда. «Лев Седов, — заявил Ольберг, — несколько раз говорил мне о Смирнове, как о руководителе троцкистской организации в Советском Союзе, отзывался о нем с большим уважением, он сказал, что некоторое время тому назад он имел несколько встреч со Смирновым. Смирнов приехал в Берлин и нашел его там. Террористические настроения, которые имелись у Седова, по его словам не были новыми для Ивана Никитича Смирнова. Среди русских троцкистов, т.е. среди троцкистов в Советском Союзе в 1931 году были троцкистские настроения»⁷⁵.

«То есть террористические настроения»? — уточнил Вышинский. «Да, террористические», — признал Ольберг и сообщил новый факт: «Иван Никитич Смирнов отправился в Берлин для того, чтобы попытаться узнать об отношении Троцкого к террору»⁷⁶.

«Откуда вам это известно?» — спросил Вышинский. «Это мне известно от самого Льва Львовича Седова, — ответил Ольберг. — Лев Седов, услышав вопрос Смирнова, а также вопрос о блоке с зиновьевцами, передал этот вопрос своему отцу и получил от Льва Давидовича Троцкого ответ, который являлся директивой для

---

⁷³ Там же. Л. 133.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Там же. Л. 140.

⁷⁶ Там же. Л. 140–141.

троцкистов Советского Союза. Эта директива Л.Д. Троцкого гласила: необходимо перейти к террористическим действиям»⁷⁷.

Л.Д. Троцкий пребывал в это время в Норвегии и внимательно следил по поступающим к нему газетам за ходом судебного процесса. Он понимал, какое судьбоносное значение для Советского государства имеет этот процесс. На следующий день после выступления прокурора СССР с обвинительной речью Лев Давидович написал статью «Заявление о судебном процессе», в которой попытался кратко ответить на прозвучавшие в его адрес во время процесса обвинения в подстрекательстве к террористическим актам против Сталина и в сотрудничестве с германской тайной полицией (гестапо). «Я сейчас изучаю весь материал, в виде брошюры, с юридической и политической точек зрения. В то же время готов ответить на все вопросы, на которые мировая пресса хотела бы получить ответ»⁷⁸, — заявил он в конце статьи.

3

Поведение Троцкого в период процесса по делу троцкистско-зиновьевского террористического центра свидетельствовало о его чрезвычайной обеспокоенности тем, что происходило в зале суда. 19 августа 1936 года, в первый же день судебных заседаний, еще не имея никаких материалов из Москвы, он написал статью для газеты «Нью-Йорк Таймс» «Хуже, чем дела Дрейфуса⁷⁹ и о поджоге Рейхстага⁸⁰»,

⁷⁷ Там же. Л. 141.

⁷⁸ *Trotsky L.D. Statement on the Trial // The Writings of Leon Trotsky [1935–1936]. New York, 1977. P. 405.* Данная статья будет опубликована на французском языке в парижской газете «Lutte ouvriere» 5 сентября 1936 г.

⁷⁹ «Дело Дрейфуса» — это состоявшийся в декабре 1894 г. судебный процесс над офицером французского генерального штаба капитаном Альфредом Дрейфусом, обвиненным в шпионаже в пользу Германии. Подсудимый был приговорен к пожизненной ссылке на основании документов и свидетельских показаний, вызывавших серьезные сомнения в их достоверности.

⁸⁰ Судебный процесс о поджоге Рейхстага проходил с 21 сентября по 23 декабря 1933 года в Лейпциге. Обвинение было выдвинуто против пяти коммунистов и строилось на подложных доказательствах. В результате четверых из них (трех болгар, среди которых был Георгий Димитров, и немца) суд оправдал и только нидерландского коммуниста Маринуса ван дер Люббе, признавшего себя виновным, приговорил к смертной казни.

которая была опубликована на следующий день⁸¹. Троцкий высокопарно заявил в ней: «Весь процесс фальшивый. Признания были сделаны под давлением ГПУ, что дает обвиняемому выбор между признанием в соответствии с желаниями ГПУ и приговором к менее строгому наказанию, либо приговором к смертной казни. Если бы я был в России, я мог бы легко опровергнуть обвинения. Но у меня есть копии всех писем, которые я отправлял в последние годы, и в предоставленное время я докажу, что провокаторы приняли активное участие в московском процессе ради политической мести»⁸².

20 августа, во второй день процесса, ознакомившись с текстом обвинительного заключения, Лев Давидович разразился двухстраничной заметкой «Кто такой В. Ольберг?», которая не была опубликована и, видимо, не предназначалась для печати. Она была написана в ответ на приведенные в обвинительном заключении показания В.П. Ольберга. «В. Ольберг признал, — утверждалось в нем, — что он нелегально приехал в СССР⁸³ с целью ведения троцкистской контрреволюционной работы и организации террористического акта над товарищем Сталиным. На допросе 21 февраля с.г. В. Ольберг показал, что во время одного из свиданий с сыном Л. Троцкого — Седовым последний показал ему письмо Троцкого, в котором Троцкий предложил командировать Ольберга с группой немецких троцкистов в Советский Союз для подготовки и организации убийства Сталина»⁸⁴.

Наибольшую тревогу у Троцкого должны были вызвать показания В.П. Ольберга о его связях с гестапо. В обвинительном заключении приводилось его показание о встречах с «видным чиновником гестапо» для обсуждения плана по подготовке терракта и цитировалось сделанное им на допросе 31 июля заявление о том, что его связь с гестапо «вовсе не была исключением... Это была линия троцкистов в соответствии с директивой Л. Троцкого, данной через

⁸¹ New York Times. August 20, 1936.

⁸² *Trotsky L.D. Than Dreyfus and Reichstag Cases // The Writings of Leon Trotsky [1935-1936].* New York, 1977. P. 389.

⁸³ В.П. Ольберг приехал в СССР в июле 1935 г. Из Чехословакии, где проживал после лишения в 1933 г. За свою политическую деятельность германского гражданства.

⁸⁴ Правда. 1936. № 229 (6835). 20 августа. С. 2.

Седова». К этим показаниям добавлялось замечание о том, что «показания В. Ольберга полностью подтвердил и арестованный по другому делу его брат Пауль Ольберг, также являющийся агентом германской тайной полиции»⁸⁵.

Троцкий отрицал, что встречался когда-либо с В.П. Ольбергом, но не мог отрицать факта переписки с ним и частых встреч Ольберга с Львом Седовым в начале 30-х годов. 12 апреля 1937 года на заседании общественной комиссии по расследованию выдвинутых против него обвинений Троцкому пришлось признаться, что с конца 1929 или начала 1930 года он переписывался с В.П. Ольбергом «на протяжении нескольких месяцев», отвечая «на более или менее серьезные письма, которые получал» от него. Лев Давидович признался также в том, что В.П. Ольберг поддерживал отношения с Львом Седовым во время его пребывания в Берлине⁸⁶.

20 августа 1936 года Троцкий написал статью «Индивидуальный террор и массовый террор»⁸⁷, где заявил: «Изолированный бюрократ боится терроризма. Бюрократия как каста использует для своей выгоды каждый террористический акт. Мы видим это в наиболее ясной и шокирующей манере в самом СССР»⁸⁸.

21 августа Троцкий снова обратился к теме терроризма. На этот раз из-под его пера вышла статья «Революционер, а не террорист»⁸⁹. В тот же день он дал интервью либеральной норвежской газете «Dagbladet», в котором сообщил, что на процессе в Москве цитировали его письмо к И.Н. Смирнову с призывом убить Сталина и Ворошилова и организовать тайные ячейки в армии, чтобы в случае нападения на СССР захватить власть. «Все это грубая фальсификация, ложь, — возмутился Троцкий, — это позорная ложь, направленная

---

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Контрпроцесс Троцкого. Стенограмма слушаний по обвинениям, выдвинутым на московских процессах 1930-х гг. М., 2017. С. 138.

⁸⁷ Данная статья будет опубликована 5 сентября 1936 г. в парижской газете «Lutte ouvriere».

⁸⁸ *Trotsky L.D. Individual Terror and Mass Terror // The Writings of Leon Trotsky [1935–1936]. New York, 1977. P. 394.*

⁸⁹ *Trotsky L.D. A Revolutionary, Not a Terrorist // The Writings of Leon Trotsky [1935–1936]. New York, 1977. P. 395–399.*

против меня, но в СССР нет никакой возможности поднять критический голос»⁹⁰.

Стремясь отвести от себя прозвучавшие на процессе в Москве и попавшие в европейские газеты обвинения в подстрекательстве к террористическим актам, Лев Давидович отрицал буквально все, что могло дать малейшее основание для такого мнения. «Во время моего пребывания в Норвегии я не принимал гостей из СССР. Я также не писал в СССР, прямо или косвенно»⁹¹, — заверял он корреспондента столичной норвежской газеты.

* * *

После обвинительной речи А.Я. Вышинского был объявлен перерыв. На вечернем заседании 22 августа были заслушаны выступления подсудимых с последним словом. В предыдущем своем течении процесс троцкистско-зиновьевского террористического центра был похож на обычную театральную постановку — последние речи подсудимых превратили его в театр абсурда.

Первым говорил С.В. Мрачковский. «Я не прошу, — сказал он, — смягчить мне наказание. Не этого я хочу. Я хочу, чтобы поверили, что я сказал на следствии и суде всю правду. Я хочу уйти из жизни, не унося с собой никакой пакости. Почему же я стал на контрреволюционный путь? Связь с Троцким — вот что меня к этому привело, вот с каких пор я начал обманывать партию, обманывать ее вождей»⁹². Закончил Мрачковский свое выступление приговором самому себе: «Я ухожу, как предатель своей партии, как изменник, которого надо расстрелять, я прошу об одном, чтобы мне поверили, что я на следствии всю эту блевотину выплюнул»⁹³.

«Вывод может быть только один, — сказал в своем последнем слове Р.В. Пикель. — Мы представляем собой самую озверелую шайку уголовных преступников, являющуюся ничем иным, как отрядом международного фашизма. Троцкий, Зиновьев и Каменев были

---

⁹⁰ Ibid. P. 399.

⁹¹ Ibid. P. 398.

⁹² Стенограмма Военной Коллегии Верховного Суда СССР по делу троцкистско-зиновьевского террористического центра. 22-24 августа 1936 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 384. Л. 167.

⁹³ Там же. Л. 168.

нашим знаменем. К этому знамени тянулись не только мы, подонки советской страны, но и шпионы, диверсанты, агенты иностранных государств. Последние 8 лет являются для меня годами подлости, годами жутких кошмарных дел. Я должен понести заслуженное наказание»⁹⁴.

На утреннем заседании 23 августа первым выступил Л.Б. Каменев. «Я вместе с Зиновьевым и Троцким, — спокойно начал он свою речь, — был организатором и руководителем террористического заговора, замышлявшего и подготовлявшего ряд террористических покушений против руководителей правительства и партии нашей страны и осуществившего убийство Кирова»⁹⁵. Закончил же Каменев свое выступление совсем уже равнодушным самобичеванием: «Так служили мы фашизму, так организовывали мы контрреволюцию против социализма, подготовляли, расчищали дорогу интервентам. Таков был наш путь и такова та яма презренной измены и всякой мерзости, в которую мы свалились»⁹⁶.

Сплошным потоком признаний в тяжких преступлениях стала последняя речь Г.Е. Зиновьева. «Я хочу еще раз сказать, — заявил он, — что признаю себя целиком и полностью виновным. Я виновен в том, что был вторым после Троцкого организатором троцкистско-зиновьевского блока, поставившего себе целью убийство Сталина, Ворошилова и ряда других руководителей партии и правительства. Я признаю себя виновным в том, что был главным организатором убийства Кирова»⁹⁷. Талант агитатора не покинул Григория Евсеевича в этот тяжелый момент и позволил ему украсить свое последнее публичное выступление подобающими лозунгами. «Мой дефективный большевизм, — продекламировал он, — превратился в антибольшевизм, а я через троцкизм пришел к фашизму. Троцкизм — это разновидность фашизма, а зиновьевщина — разновидность троцкизма»⁹⁸.

---

⁹⁴ Там же. Л. 172.

⁹⁵ Там же. Л. 173.

⁹⁶ Там же. Л. 174.

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ Там же. Л. 175.

В отличие от других подсудимых И.Н. Смирнов в своем последнем слове признал себя виновным лишь частично. Причем не за преступление, а, по его словам, «за ошибку, которая переросла затем в преступление». Такой ошибкой он назвал восстановление своей связи с Троцким, а также «искание связи с группой зиновьевцев», что привело его «к блоку с группой зиновьевцев, к получению в ноябре 1932 г. через Гавена директивы о терроре от Троцкого». «Блок эту директиву принял, стал действовать», — признал Иван Никитич. При этом он отказался признавать собственную ответственность за деятельность троцкистско-зиновьевского центра после своего ареста в начале января 1933 года. Любопытно, что подлинные высказывания И.Н. Смирнова из этой части его выступления отсутствуют в стенограмме судебного заседания, их заменяет краткое сообщение о том, что он, «как и на предварительном и судебном следствии», продолжал «отрицать ответственность за преступления, совершенные троцкистско-зиновьевским террористическим центром после своего ареста»⁹⁹.

Не занимаясь самобичеванием, но спокойно признавал свои ошибки и преступления В.П. Ольберг. «Все мое политическое мировоззрение, — говорил он, — сложилось под влиянием Троцкого и троцкизма. Я вслед за Троцким не останавливался ни перед террором, ни перед соглашением с фашистами. Цели троцкистской контрреволюционной организации и их безнадежность стали мне особенно ясны на этом процессе, на котором я со всей четкостью увидел, как жалки те лидеры троцкистско-зиновьевской контрреволюции, которые повели нас, молодых, по пути террористической борьбы, и как велика мощь советского государства... Я прошу Верховный суд дать мне возможность попытаться, хотя бы частично, загладить свои чудовищные преступления»¹⁰⁰.

Последним из подсудимых выступал Фриц Давид (И.И. Круглянский). «Я хочу заверить пролетарский суд, — сказал он, — что

---

⁹⁹ Там же. Л. 176. После слова «ареста» в этом варианте стенограммы была зачеркнута фраза: «в частности, за убийство Кирова», которая имела в первом ее варианте. См.: Там же. Л. 191.

¹⁰⁰ Там же. С. 177.

я проклиная Троцкого. Я проклиная этого человека, который погубил мою жизнь и толкнул меня на тяжкое преступление»¹⁰¹. После этого суд удалился на совещание¹⁰².

В 2 часа 30 минут ночи 24 августа председательствующий армвоенюрист В. Ульрих огласил приговор: Военная коллегия Верховного суда Союза ССР приговорила всех подсудимых «к высшей мере наказания – РАССТРЕЛУ, с конфискацией всего лично им принадлежавшего имущества»¹⁰³. Приговор был окончательным и обжалованию не подлежал, но приговоренные могли подать прошение о помиловании. Они воспользовались этим правом, но ни одно из прошений не было удовлетворено, а скорей всего даже не рассматривалось. В ночь с 25 на 26 августа 1936 года приговор был приведен в исполнение.

В день, когда завершался процесс троцкистско-зиновьевского террористического центра, Троцкий дал интервью лондонской газете «News Chronicle». Первым вопросом корреспондента было: «Каков ваш ответ на категорические обвинения, выдвинутые против вас и вашего сына на московском процессе?» Лев Давидович дал высокопарно жесткий ответ: «Мое предварительное суждение о московском деле выражается в нескольких декларациях. Это дело представляет собой один из самых больших, самых неуклюжих и самых преступных заговоров тайной полиции против мирового мнения»¹⁰⁴.

Наиболее интересным был ответ Троцкого на вопрос: «Думаете ли Вы, что советское правительство считает необходимым провести чистку перед введением нового режима?» «Сталинская клика, — заявил он, — пыталась этим делом доказать, что она порвала окончательно и беспощадно с революционными традициями большевистской партии. Но не следует забывать, что Политбюро, которое направляло судьбу русской революции, так же как

---

¹⁰¹ Там же. Л. 179.

¹⁰² В стенограмме указано: «В 7 часов вечера суд удаляется в совещательную комнату» (Там же).

¹⁰³ Там же. Л. 201.

¹⁰⁴ *Trotsky L.D. Interview in New Chronicle. August 24, 1936 // The Writings of Leon Trotsky [1935-1936]. New York, 1977. P. 413.*

Коминтерн, когда Ленин был еще жив, состояло из: Ленина, Троцкого, Зиновьева, Каменева, Томского, Рыкова, Сталина, Бухарина как кандидата.

Ленин мертв. Всех остальных членов Политбюро, кроме Сталина, теперь обвиняют как заговорщиков против Советского государства, как террористов, и даже как союзников немецкой тайной полиции! Любой, кто способен мыслить политически, конечно, не будет питать ни малейшего доверия этим обвинениям, а напротив, признает их безошибочными знаками великих политических изменений, которые произошли в стране. Новый консервативный руководящий слой, советская аристократия, олицетворяемая Сталиным, окончательно разрывает пуповину, соединившую ее с Октябрьской революцией»¹⁰⁵.

Троцкий продолжал лихорадочно изучать материалы процесса троцкистско-зиновьевского террористического центра и после его завершения. «Вооруженный красным, синим и черным карандашами, — вспоминала Наталья Седова, — он делал выписки из отчетов суда и набрасывал свои заметки на клочках бумаги. Его кабинет был заполнен гранками и рукописями, разоблачавшими преступления. После того как наступало утомление, он выходил на улицу, расправлял плечи, шел к елям и созерцал горные пейзажи и невероятный покой. Однажды, задолго до того, как началось все это кровавое безумие, он сказал мне, когда мы стояли в зимнем снегу: “Я устал от всего — от всего этого, понимаешь?” Это было не упущением или слабостью, просто революционеры тоже всего лишь люди»¹⁰⁶.

В статье «Суд без конца», написанной 27 августа 1936 года, через два дня после казни и опубликованной во французской газете «Сир (Sir)» 1 декабря того же года, Троцкий сообщал: «Я в процессе чтения отчетов суда в "Правде". Они заставляют меня задыхаться от отвращения. Представить себе такое бесстыдство, такую глупость, такое вероломство — задача непростая даже для политика. Любой, кто мог бы принять это дело за хорошую монету, был бы навсегда мертв в моих глазах. Однако этот процесс не последний...»¹⁰⁷.

---

¹⁰⁵ Ibid. P. 414.

¹⁰⁶ Serge V., Sedova N. Life and Death of Leon Trotsky. Chicago, 2015. P. 206.

¹⁰⁷ Trotsky L.D. Trial without End. August 27, 1936 // The Writings of Leon Trotsky [1935–1936]. New York, 1977. P. 425.

В конце данной статьи Лев Давидович обращал внимание на поразительное совпадение. «Комментарии газеты "Правда" к процессу – указал он, – были написаны Заславским, который в каждой строке принимает как должное, что я и другие обвиняемые были связаны с гестапо. В 1917 году тот же Заславский, публиковавшийся в газете банкиров «День», был самым ярким врагом большевиков. Он обвинял Ленина, меня и других в работе на немецкий генеральный штаб. В серии статей, написанных в 1917 году, Ленин обычно повторял: "Заславский и другие негодяи . . ." Этот негодяй теперь поддерживает сталинский "большевизм" против нас, агентов гестапо. Ни теоретическая, ни поэтическая фантазия, ни фантазия Маркса, ни фантазия Шекспира не могли придумать такой ситуации. Но жизнь знает, как это сделать»¹⁰⁸.

По мнению историка Ю.Н. Жукова, судебное разбирательство по делу троцкистско-зиновьевского террористического центра было обращено к политическим силам как внутри Советского Союза, так и в демократических странах Запада. Оно «должно было ещё раз продемонстрировать решительный и окончательный отказ от старого курса, который ориентировался, прежде всего, на мировую революцию» и связывался «с экспортом революции, что для всех олицетворялось двумя именами – Троцкого и Зиновьева»¹⁰⁹. В действительности для Сталина не было никакой необходимости показывать отход от «старого курса» – наоборот он должен был всячески маскировать свой разрыв с революционным большевизмом, который имел массу сторонников как в ВКП (б), так и в международном коммунистическом движении.

Именно за отказ от идеалов революционного большевизма жестко критиковал Сталина с конца 20-х годов главный его противник в мировом коммунизме Л.Д. Троцкий. Специально посвященный московскому процессу 19–24 августа 1936 года двоянный (52–53) номер троцкистского «Бюллетеня оппозиции» вышел в октябре 1936 года под заголовком «Московский процесс – процесс над Октябрем».

---

¹⁰⁸ Там же. С. 426.

¹⁰⁹ Жуков Ю.Н. Иной Сталин: Политические реформы в СССР в 1933–1937 гг. М., 2005. С. 238.

В нем утверждалось: «Сталин не только кроваво рвет с большевизмом, со всеми его традициями и прошлым, — он старается втоптать большевизм и Октябрьскую революцию в грязь. Он это делает **в интересах мировой и внутренней реакции**. Трупы Зиновьева и Каменева должны в глазах мировой буржуазии доказать разрыв Сталина с революцией, послужить ему свидетельством о благонадежности и национально-государственной зрелости. Трупы старых большевиков должны доказать мировой буржуазии, что Сталин действительно радикально изменил свою политику, что люди, вошедшие в историю, как вожди революционного большевизма, — враги буржуазии, они и его враги. Троцкий, имя которого неразрывно связано с именем Ленина, как вождя Октябрьской революции, Троцкий, создатель и руководитель Красной армии; Зиновьев и Каменев — ближайшие ученики Ленина, один председатель Коминтерна, другой заместитель Ленина и член Политбюро; Смирнов, старейший большевик, победитель Колчака — сегодня они расстреливаются, и в этом мировой буржуазии надлежит видеть символ нового времени. Это конец революции, — говорит Сталин. Мировая буржуазия может и должна считаться теперь со Сталиным, как с серьезным союзником, как с вождем национального государства»¹¹⁰.

Эти обвинения наносили серьезный удар по авторитету Сталина в международном коммунистическом движении, которое являлось в то время влиятельной политической силой на мировой арене. Поэтому он не мог позволить себе специально демонстрировать «решительный и окончательный отказ от старого курса, который ориентировался, прежде всего, на мировую революцию». Но каков же тогда был подлинный смысл состоявшегося в Москве в августе 1936 года судебного процесса над бывшими большевистскими вождями?

Его раскрыл сам И.В. Сталин в письмах к своим сторонникам. Он пребывал в это время на отдыхе в Сочи, но внимательно следил за всем, что происходило в Москве на судебных заседаниях по делу троцкистско-зиновьевского террористического центра. Вечером 22

---

¹¹⁰ Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1936. № 52-53
// <http://iskra-research.org/FI/BO/BO-52.shtml>

августа Л.М. Каганович переслал ему зашифрованной телеграммой текст проекта приговора. Ближе к вечеру следующего дня Сталин сообщил телеграммой Л.М. Кагановичу, что считает проект приговора по существу правильным, но требующим стилистической отшлифовки. «Нужно упомянуть в приговоре в отдельном абзаце, — указал он, — что Троцкий и Седов подлежат привлечению к суду или находятся под судом или что-либо другое в этом роде. Это имеет большое значение для Европы, как для буржуа, так и для рабочих. Умолчать о Троцком и Седове в приговоре никак нельзя, ибо такое умолчание будет понято таким образом, что прокурор хочет привлечь этих господ, а суд будто бы не согласен с прокурором»¹¹¹. Кроме того Сталин предложил «вычеркнуть заключительные слова: “приговор окончательный и обжалованию не подлежит”». «Эти слова лишние, — пояснил он, — и производят плохое впечатление. Допускать обжалование не следует, но писать об этом в приговоре неуместно»¹¹².

Сохранившиеся в архиве два варианта текста проекта приговора действительно содержат слова «приговор окончательный и обжалованию не подлежит», которые завершают вердикт: «всех к **ВЫСШЕЙ МЕРЕ НАКАЗАНИЯ — Р А С С Т Р Е Л Л У**, с конфискацией всего лично им принадлежащего имущества»¹¹³. В официально же объявленный приговор они не попали. Зато в нем появилось заключительное заявление следующего содержания: «Находящиеся в настоящее время за границей **Троцкий Лев Давидович** и его сын **Седов Лев Львович**, избличенные показаниями подсудимых **Смирнова И.Н., Гольцмана Э.С., Дрейцера, В. Ольберга, Фрица Давида** (Круглянского И.И.) и **Бермана-Юрина** и материалами настоящего дела в непосредственной подготовке и личном руководстве организацией в СССР террористических актов против руководителей ВКП (б) и советского государства, в случае их обнаружения на территории Союза ССР, подлежат немедленному

---

¹¹¹ Сталин — Кагановичу. 23 августа 1936 г. // Сталин и Каганович. Переписка. 1931 — 1936 гг. М., 2001. С. 642.

¹¹² Там же.

¹¹³ Стенограмма Военной Коллегии Верховного Суда СССР по делу троцкистско-зиновьевского террористического центра. 22–24 августа 1936 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 384. Л. 201, 209.

аресту и преданию суду Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР»¹¹⁴.

Сравнение официально объявленного текста приговора с его предварительными вариантами, хранящимся ныне в Российском государственном архиве социально-политической истории, позволяет увидеть, как на самом деле редактировался, правился этот документ. В записке, составленной в начале 1963 года комиссией, которая была создана постановлением Президиума ЦК КПСС от 19 января 1962 года для изучения результатов работы «по расследованию причин репрессий и обстоятельств политических процессов 30-х годов»¹¹⁵, было отмечено: «За несколько дней до окончания судебного процесса Вышинский и Ульрих представили Кагановичу проект приговора, в основу которого также было положено закрытое письмо ЦК ВКП(б) от 29 июля 1936 года. *Каганович внес в проект приговора ряд произвольных поправок, усиливавших тяжесть обвинения, и дописал свою фамилию в число лиц, против которых якобы готовились террористические акты*»¹¹⁶ (курсив мой. — В.Т.). На самом деле Лазарь Моисеевич свою фамилию в приговор не вписывал и не мог это сделать без ведома Сталина: она изначально присутствовала среди перечисленных в нем руководителей партии и правительства СССР, в подготовке убийства которых обвинялись подсудимые. Вписал он туда фамилию Орджоникидзе, но она упоминалась в перечне высших должностных лиц, против которых террористические акты готовили Зиновьев, Каменев, Евдокимов, Бакаев, Мрачковский, Тер-Ваганян и Смирнов.

А вот поправку, усиливавшую тяжесть обвинения, Каганович действительно внес. В первоначальном варианте проекта приговора подсудимые Дрейцер, Рейнгольд, Пикель, Гольцман, Фриц Давид, Ольберг, Берман-Юрин, Лурье М.И., Лурье Н.Л. обвинялись в том, что

¹¹⁴ Правда. 1936. № 233 (6839). 24 августа. С. 1.

¹¹⁵ В конце этой записки было указано, что в состав комиссии входили: А. Шелепин, З. Сердюк, Р. Руденко, Н. Миронов, В. Семичастный, а председателем ее был Н. Шверник.

¹¹⁶ Записка комиссии Президиума ЦК КПСС в Президиум ЦК КПСС о результатах работы по расследованию причин репрессий и обстоятельств политических процессов 30-х годов [Не позднее 18 февраля 1963 г.] // Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. Том 2. Февраль 1956 — начало 80-х годов. М., 2003. С. 561.

«будучи членами подпольной террористической троцкистско-зиновьевской организации, приняли участие в подготовке убийства тт. СТАЛИНА, ВОРОШИЛОВА, ЖДАНОВА, КАГАНОВИЧА, КОССИОРА и ПОСТЫШЕВА»¹¹⁷. Лазарь Моисеевич изменил эту формулировку на другую, согласно которой названные подсудимые были обвинены в том, что «будучи членами подпольной террористической троцкистско-зиновьевской организации, **являлись прямыми активными участниками** подготовки убийства **руководителей партии и правительства** т.т. СТАЛИНА, ВОРОШИЛОВА, ЖДАНОВА, КАГАНОВИЧА, **ОРДЖОНИКИДЗЕ**, КОССИОРА и ПОСТЫШЕВА»¹¹⁸. Выделенные жирным шрифтом слова были вписаны от руки в первоначальный напечатанный вариант.

Сталин не скрывал от своих соратников, что процесс троцкистско-зиновьевского террористического центра понадобился ему для полнейшей дискредитации в глазах населения Советского Союза и международного коммунистического движения не только бывших большевистских вождей, непосредственно представших перед судом, но и Троцкого, нашедшего убежище за пределами СССР. Именно поэтому Иосиф Виссарионович проявлял особую заботу о том, чтобы его столкновение с бывшими большевистскими вождями не сводилось в средствах массовой информации к личным конфликтным отношениям, но представлялось более масштабно — как столкновение различных мировоззрений, идеологий, политических программ.

В телеграмме, отправленной 6 сентября 1936 года Кагановичу и Молотову, Сталин с нескрываемым раздражением заявил, что «"Правда" в своих статьях о процессе зиновьевцев и троцкистов провалилась с треском». Почему же им был сделан такой вывод? Потому что, объяснил он, «ни одной статьи, марксистски объясняющей процесс падения этих мерзавцев, их социально-политическое лицо, их подлинную платформу — не дала "Правда". Она все свела к личному моменту, к тому, что есть люди злые, желающие захватить власть, и люди добрые, стоящие у власти, и этой мелкотравчатой мешаниной кормила публику.

¹¹⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 384. Л. 200.

¹¹⁸ Там же. Л. 208.

Надо было сказать в статьях, что борьба против Сталина, Ворошилова, Молотова, Жданова, Косиора и других есть борьба против Советов, борьба против коллективизации, против индустриализации, борьба, стало быть, за восстановление капитализма в городах и деревнях СССР. Ибо Сталин и другие руководители не есть изолированные лица, а олицетворение всех побед социализма в СССР, олицетворение коллективизации, индустриализации, подъема культуры в СССР, стало быть, олицетворение усилий рабочих, крестьян и трудовой интеллигенции за разгром капитализма и торжество социализма.

Надо было сказать, что кто борется против руководителей партии и правительства в СССР, тот стоит за разгром социализма и восстановление капитализма.

Надо было сказать, что разговоры об отсутствии платформы у зиновьевцев и троцкистов — есть обман со стороны этих мерзавцев и самообман наших товарищей. Платформа была у этих мерзавцев. Суть их платформы — разгром социализма в СССР и восстановление капитализма. Говорить этим мерзавцам открыто о такой платформе было невыгодно. Отсюда их версия об отсутствии платформы, принятая нашими головоотяпами на веру.

Надо было, наконец, сказать, что падение этих мерзавцев до положения белогвардейцев и фашистов логически вытекает из их грехопадения, как оппозиционеров, в прошлом»¹¹⁹ (выделено мною. — В.Т.).

«Вот в каком духе и в каком направлении надо было вести агитацию в печати. Все это, к сожалению, упущено»¹²⁰, — завершил Сталин длинную цепь своих упреков в адрес газеты «Правда».

В разгар судебного процесса, на вечернем заседании 21 августа 1936 года, прокурор СССР выступил с заявлением, которое давало понять, что скоро предстоят новые судебные разбирательства в отношении известных большевиков. «На предыдущих заседаниях, — сказал Вышинский, — некоторые обвиняемые (Каменев, Зиновьев и

¹¹⁹ Сталин — Кагановичу, Молотову. 6 сентября 1936 г. // Сталин и Каганович. Переписка. 1931 — 1936 гг. М., 2001. С. 664–665.

¹²⁰ Там же. С. 665.

Рейнгольд) в своих показаниях указывали на Томского, Бухарина, Рыкова, Угланова, Радека, Пятакова, Серебрякова и Сокольников, как на лиц, причастных в той или иной степени к их преступной контрреволюционной деятельности, за которую обвиняемые по настоящему делу и привлечены сейчас к ответственности. Я считаю необходимым доложить суду, что мною вчера сделано распоряжение о начале расследования этих заявлений обвиняемых в отношении Томского, Рыкова, Бухарина, Угланова, Радека и Пятакова, и в зависимости от результата этого расследования будет Прокуратурой дан законный ход этому делу. Что касается Серебрякова и Сокольников, то уже сейчас имеющиеся в распоряжении следственных органов данные свидетельствуют о том, что эти лица изобличаются в контрреволюционных преступлениях, в связи с чем Сокольников и Серебряков привлекаются к уголовной ответственности».

Это заявление прокурора СССР, опубликованное на следующий день в газете «Правда»¹²¹ и других печатных изданиях, шокировало так называемых «старых большевиков»¹²². Его содержание показывало, что дело «троцкистско-зиновьевского террористического центра» возникло не случайно, не под влиянием эмоций, но представляло собой начало целой череды судебных операций против тех, кто воплощал собой большевистскую революцию.

4

13 июня 1988 года Пленум Верховного суда СССР отменил своим постановлением приговор военной коллегии Верховного суда Союза ССР, вынесенный 24 августа 1936 года в отношении всех шестнадцати

---

¹²¹ Правда. 1936. № 231 (6837). С. 4.

¹²² Бывший член Политбюро М.П. Томский, прочитав это сообщение, застрелился. Руководство ВКП (б) расценило этот поступок как стремление «спрятать концы в воду самоубийством». Сообщение об уходе Томского из жизни, появившееся в верхней части 2-й страницы газеты «Правда» 23 августа, было похоже на приговор: «ЦК ВКП(б) извещает, что кандидат в члены ЦК ВКП(б) М. П. Томский, запутавшийся в своих связях с контрреволюционными и троцкистско-зиновьевскими террористами, 22 августа на своей даче в Болшеве покончил жизнь самоубийством».

участников так называемого объединенного троцкистско-зиновьевского террористического центра и прекратил дело за отсутствием в их действиях состава преступления. Любопытно, что текст данного постановления остался неопубликованным¹²³. Однако вскоре после его принятия была составлена справка Комитета партийного контроля при ЦК КПСС, Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Прокуратуры СССР и Комитета государственной безопасности СССР «О так называемом “Антисоветском объединенном троцкистско-зиновьевском центре”». Приведенные в ней доводы были представлены в качестве основания для отмены упомянутого приговора военной коллегии Верховного суда¹²⁴.

В тексте данной справки повторялись факты и утверждения из составленной в начале 1963 года записки комиссии Президиума ЦК КПСС по расследованию причин репрессий и обстоятельств политических процессов 30-х годов, работавшей под предсе-

---

¹²³ В «Бюллетене Верховного суда СССР» было опубликовано сообщение о том, что 13–14 июня 1988 г. состоялся пленум Верховного суда, на котором рассматривались «протесты Председателя Верховного суда СССР и Генерального прокурора СССР по судебным делам» (1988. № 4. С. 13), но в этом сообщении не было сказано о том, какие конкретно дела были опротестованы. На заседании Комиссии Политбюро ЦК КПСС «по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30–40-х и начала 50-х годов», проходившем 27 июля 1988 г. было объявлено, что «Пленум Верховного суда СССР удовлетворил протест Генерального прокурора СССР по так называемому делу “Антисоветский объединенный троцкистско-зиновьевский блок” и отменил приговор Военной коллегии Верховного суда СССР и дело прекратил за отсутствием состава преступления в действиях Г.Е. Зиновьева, Л.Б. Каменева, Г.Е. Евдокимова, И.П. Бакаева, С.В. Мрачковского, В.А. Тер-Ваганяна, И.Н. Смирнова, Е.А. Дрейцера, И.И. Рейнгольда, Р.В. Пикеля, Э.С. Гольцмана, Фрица-Давида (И.-Д.И. Круглянского), В.П. Ольберга, К.Б. Бермана-Юрина, М.И. Лурье, Н.Л. Лурье» (Протокол № 5 заседания Комиссии Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30–40-х и начала 50-х годов. 27 июля 1988 г. // Известия ЦК КПСС. 1988. № 6. С. 102).

¹²⁴ На это прямо указывают заключительные слова данной справки: «В силу изложенного приговор военной коллегии Верховного суда СССР от 24 августа 1936 г. по делу так называемого “антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра” в июне 1988 г. Пленумом Верховного суда СССР и был отменен, а все осужденные реабилитированы с прекращением дела за отсутствием в их действиях состава преступления» (О так называемом «Антисоветском объединенном троцкистско-зиновьевском центре» // Известия ЦК КПСС. 1989. № 8. С. 94).

дательством Н.М. Шверника. Достоверность представленной информации не подвергалась при этом никаким сомнениям.

«Троцкистско-зиновьевского террористический центр» назывался в записке «Объединенным троцкистско-зиновьевским центром», т.е. без определения «террористический», что отражало мнение членов комиссии Шверника о недоказанности его преступной деятельности. Более того в записке отрицался сам факт существования такого центра. «Проверкой установлено, — констатировалось в ней, — что “Объединенного троцкистско-зиновьевского центра” не существовало, осужденные по этому процессу лица террористических групп не создавали, террористической деятельностью не занимались и к убийству Кирова не причастны»¹²⁵.

Главная роль в фальсификации дела об этом центре согласно записке 1963 года принадлежала Сталину и Ежову. Вместе с тем особо отмечалось участие в этом прокурора СССР. «В фальсификации дела “Объединенного троцкистско-зиновьевского центра”, — утверждалось в записке, — наряду с сотрудниками НКВД деятельное участие принимали Вышинский и Шейнин. Они допрашивали обвиняемых, проводили очные ставки, участвовали в других следственных действиях и, создавая таким образом видимость прокурорского надзора, в действительности прикрывали грубейшие нарушения законности. На совещаниях работников НКВД Вышинский проявлял крайнюю суровость к следователям, требовал, чтобы они добивались от арестованных прямых показаний о терроре, “смелых политических выводов и обобщений”»¹²⁶.

Составленная во второй половине 1988 года справка «О так называемом “Антисоветском объединенном троцкистско-зиновьевском центре”» повторила это утверждение в более негативном по отношению к Вышинскому стиле: «По сути провокационную роль при расследовании дел сыграл А.Я. Вышинский. На совещаниях,

---

¹²⁵ Записка комиссии Президиума ЦК КПСС в Президиум ЦК КПСС о результатах работы по расследованию причин репрессий и обстоятельств политических процессов 30-х годов [Не позднее 18 февраля 1963 г.] // Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. Том 2. Февраль 1956 — начало 80-х годов. М., 2003. С. 561.

¹²⁶ Там же. С. 559.

проявляя крайнюю суровость по отношению к следователям, он призывал добиваться прямых показаний от арестованных о терроре. При анализе показаний требовал более острых политических выводов и обобщений, а по существу – фальсификации дел»¹²⁷.

Стремление Вышинского до предела разоблачить подсудимых, максимально унижить бывших большевистских вождей, выставить их врагами народа было весьма заметным во время его выступлений в ходе процесса «троцкистско-зиновьевского террористического центра». Но само по себе оно не давало основания для такой оценки его действий, которая содержалась в приведенном документе. Как глава высшего государственного органа, призванного осуществлять надзор за соблюдением законов в процессе уголовного расследования, Вышинский просто обязан был «проявлять крайнюю суровость по отношению к следователям» и требовать от них доказательств в причастности арестованных к террору, в том числе и «прямых показаний» о своей террористической деятельности, и выявления мотивов преступных действий, т.е. «политических выводов и обобщений».

В записке комиссии Шверника требование прокурора СССР от следователей по этому делу добиваться от арестованных «прямых показаний о терроре» не представлялось как его требование фальсифицировать дело и его роль не называлась «провокационной». «Политических выводов и обобщений» Вышинский, согласно тексту записки, требовал добиваться от арестованных. В справке же 1988 года заимствованная из записки 1963 года характеристика роли Вышинского в рассматриваемом процессе препарировалась таким образом, что получалось будто он требовал «политических выводов и обобщений», причем не «смелых», а «острых», не от арестованных, а от самих следователей. И данное требование было представлено в справке как требование «фальсификации дел».

Процесс «троцкистско-зиновьевского террористического центра» готовился весьма тщательно. По замыслу Сталина, он должен был не только **изобличить** Троцкого, Зиновьева, Каменева и их сторонников

---

¹²⁷ О так называемом «Антисоветском объединенном троцкистско-зиновьевском центре». С. 88.

как уголовных преступников, но также разоблачить бывших большевистских вождей, имевших множество приверженцев среди руководителей и рядовых членов ВКП (б), идеологически и политически, показать их враждебность к своей стране, опасность для коммунистической партии и государства. При столь сложном характере судебного процесса «политические выводы и обобщения» становились необходимым дополнением юридических аргументов. А главный обвинитель, прокурор СССР, призван был действовать не только в качестве обвинителя **юридического**, но и **политического**. Вышинский должен был предстать в этом процессе помимо прочего еще и настоящим **идеологом**.

Что же касается «фальсификации», то это определение более подходит как раз к документам реабилитационного назначения, в данном случае — к составленной в начале 1963 года записке комиссии Президиума ЦК КПСС по расследованию причин репрессий и обстоятельств политических процессов 30-х годов и к изготовленной спустя четверть века справке Комитета партийного контроля при ЦК КПСС, Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Прокуратуры СССР и Комитета государственной безопасности СССР «О так называемом “Анτισоветском объединенном троцкистско-зиновьевском центре”». Факты, действительно имевшие место, переплетаются в содержании этих документов с явно выдуманными фактами, а также с очевидно ложными или голословными, ничем не подкрепленными утверждениями.

На фальсификационный характер реабилитационных документов, касающихся процесса «троцкистско-зиновьевского террористического центра», указывает уже сама методика обоснования необходимости реабилитации осужденных по этому делу.

«Таким образом, — утверждается в справке 1988 года, — признательные показания обвиняемых на следствии и в суде о принадлежности к “объединенному центру” и в проведении террористической деятельности объясняются применением к арестованным незаконных методов следствия. Кроме того, Г.Е. Зиновьев, Л.Б. Каменев, В.А. Тер-Ваганян и другие, подвергавшиеся уже ранее репрессиям — неоднократным арестам, допросам, одиночным

камерам, ссылкам, тюремному заключению, в период следствия и суда по настоящему делу находились в подавленном моральном и физическом состоянии. Доведенные до морального и физического истощения, они стали к обвинениям относиться безразлично и потому “признавать” их»¹²⁸. На основании чего был сделан этот вывод? Что предшествует ему в тексте рассматриваемой справки? Оказывается, непосредственным основанием для такого заключения послужили свидетельства предателя – бывшего начальника управления НКВД Дальневосточного, комиссара государственной безопасности третьего ранга Генриха Самойловича Люшкова. Опасаясь ареста, он 13 июня 1938 года перешел границу СССР в районе Маньжурии, оккупированной в то время Японией и сдался японским официальным лицам. Ровно месяц спустя, находясь уже в Токио, Люшков выступил на специальной, продолжавшейся более двух часов пресс-конференции перед иностранными и японскими журналистами. Трудно поверить, но именно заявления предателя, сделанные на этой пресс-конференции, были положены составителями справки «О так называемом “Антисоветском объединенном троцкистско-зиновьевском центре”» в основание выводов о фальсификации судебного процесса 1936 года над бывшими большевистскими вождями и недействительности их показаний и признаний.

Между тем данная справка была выпущена в свет от имени таких органов и учреждений, как Комитет партийного контроля при ЦК КПСС, Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Прокуратура СССР и Комитет государственной безопасности СССР. В справке без каких-либо комментариев говорилось: «Бывший сотрудник НКВД Г.С. Люшков, принимавший активное участие в расследовании дела, бежав в 1938 году за границу, сделал там следующее заявление: “Я до последнего времени совершал большие преступления перед народом, так как я активно сотрудничал со Сталиным в проведении его политики обмана и терроризма. Я действительно предатель. Но я предатель только по отношению к Сталину... Таковы

---

¹²⁸ О так называемом «Антисоветском объединенном троцкистско-зиновьевском центре». С. 89.

непосредственные причины моего побега из СССР, но ими только дело не исчерпывается. Имеются и более важные и фундаментальные причины, которые побудили меня так действовать. Это то, что я убежден в том, что ленинские принципы перестали быть основой политики партии»¹²⁹.

Утверждение Люшкова о том, что он выступил предателем только по отношению к Сталину, было опровергнуто им же самим. Характеризуя политический режим в СССР, бывший высокопоставленный сотрудник НКВД заявил, что он прочен и никакая внутренняя сила смести его не сможет. «Только иностранное давление — такое, как война, — могло бы свергнуть сталинское правительство», — объяснял он иностранным корреспондентам, добавляя при этом, что самым благоприятным вариантом было бы «вступление Японии в войну против СССР, во взаимодействии с Германией»¹³⁰.

Переводчик, приставленный к Люшкову в Японии, писал впоследствии в своих воспоминаниях, объясняя его предательство: «Люшков, который в качестве начальствующего лица ГПУ забрал жизни 5000 человек в течение одного года под предлогом чистки, столкнулся с неразрешимой проблемой, когда пришла его очередь подвергнуться чистке в качестве номера 5001»¹³¹.

Историк Эльвин Кукс, специально изучавший жизненный путь предателя, сделал в статье, посвященной ему, следующий вывод: «Г.С. Люшков был очень сложной личностью. С одной стороны, он являлся чекистским продуктом революции, который служил верным и безжалостным приспешником таких жестоких боссов, как Ягода, Ежов и сам Сталин. Он играл заметную роль в распространении тюремного

---

¹²⁹ Там же. С. 88.

¹³⁰ *Сох А.Д. L'Affaire Lyushkov: Anatomy of a Defector // Soviet Studies. 1968. Vol. 19. No. 3. P. 417.*

¹³¹ «Lyushkov, who as GPU commander had taken the lives of 5000 people in one year in the name of the purge, was faced by an unsettling problem when it became his turn to be purged as No. 5001» (Цит. по: *Сох А.Д. Lesser of Two Hells: NKVD general G.S. Lyushkov's defection to Japan, 1938–1945. Part 1 // The Journal of Slavic Military Studies. 1998. Vol. 11. No. 3. P. 168.*

заклучения, пыток, убийств или депортации жертв, втянутых в чистку»¹³².

Во время упомянутой пресс-конференции в Токио 13 июля 1938 года Люшков под давлением журналистов признал, что «не только непосредственно занимался расследованием дела об убийстве Кирова, но и активно принимал участие в публичных процессах и казнях, проводившихся после кировского дела под руководством Ежова»¹³³. Он признал также, что имел отношение к делу «ленинградского террористического центра», рассматривавшегося в начале 1935 года, к делу «террористического центра о заговоре против Сталина в Кремле», раскрытого в том же году, к делу «троцкистско-зиновьевского объединенного центра», судебный процесс по которому проходил с 19 по 24 августа 1936 года.

В справке 1988 года, выпущенной от имени Комитета партийного контроля при ЦК КПСС, Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Прокуратуры СССР и Комитета государственной безопасности СССР, было приведено следующее заявление Люшкова на токийской пресс-конференции: «Перед всем миром я могу удостоверить с полной ответственностью, что все эти мнимые заговоры никогда не существовали, и все они были преднамеренно сфабрикованы»¹³⁴. Если бы эти показания Люшкова были подкреплены фактами, документами, аргументами, тогда их надо было бы оценивать именно с точки зрения этих оснований, но поскольку Люшков ничего не сообщил в подтверждение своих слов о фабрикации заговоров против Сталина и его сторонников в руководстве ВКП (б), то остается оценивать их с позиции личности обвинителя.

---

¹³² «G. S. Lyushkov was a highly complex individual. On the one hand he was a Cheka product of the Revolution who served as the loyal and ruthless minion of such brutal bosses as Yagoda, Yezhov, and Stalin himself. He played an appreciable role in engineering the imprisonment, torture, killing or deportation of victims pulled in by the purge» (*Сох А.Д. Lesser of Two Hells: NKVD general G.S. Lyushkov's defection to Japan, 1938-1945. Part 2 // The Journal of Slavic Military Studies. 1998. Vol. 11. No. 4. P. 105*).

¹³³ О так называемом «Антисоветском объединенном троцкистско-зиновьевском центре». С. 88.

¹³⁴ Там же.

Составители рассматриваемой справки не приняли во внимание, чьи свидетельства они положили в основание реабилитации. В результате возникла парадоксальная ситуация: осужденные на смертную казнь по делу «троцкистско-зиновьевского террористического центра» были оправданы, помимо прочего, на основании показаний их палача, который вскоре стал предателем, а впоследствии работал на ЦРУ США против СССР¹³⁵.

Уверенно утверждать о том, что «признательные показания обвиняемых на следствии и в суде о принадлежности к “объединенному центру” и в проведении террористической деятельности объясняются применением к арестованным незаконных методов следствия», можно было только на основании критического рассмотрения самих этих показаний. А этого при подготовке реабилитации Г.Е. Зиновьева, Л.Б. Каменева, И.Н. Смирнова осуществлено не было. Некоторые показания осужденных были приведены в справке 1988 года «О так называемом “Антисоветском объединенном троцкистско-зиновьевском центре”», но лишь для иллюстрации высказанного априори мнения. «Когда в судебном заседании, — сообщалось в этом документе, — А.Я. Вышинский сделал вывод о том, что Л.Б. Каменев, как один из организаторов “объединенного троцкистско-зиновьевского центра”, вынужден был признать себя виновным в террористической деятельности, оказавшись перед “стеной улик”, то в ответ на это Л.Б. Каменев заявил, что он признал себя виновным не потому, что против него

---

¹³⁵ В 1945 г. Г.С. Люшков перебрался в США и здесь умер в 1968 г., на 69-м году жизни. Он работал в качестве консультанта по проблемам Советского Союза в ЦРУ, написал несколько книг по истории советской разведки и внешней политики СССР. Он продолжал придерживаться мнения, которое высказал еще в первое время своего пребывания в Японии: советский режим настолько прочен и репрессивен, что исключает «любой публичный протест, тем более с оружием в руках». Отсталость советской экономики также не приведет к краху советского государства. «Природные ресурсы страны столь огромны, что скомпенсируют сколь угодно бездарное руководство», — утверждал Люшков. Надежду на крушение СССР бывший советский чекист связывал с несменяемостью советских партийных и государственных руководителей. «Они несменяемы, и в этом их слабость; — пророчествовал он, — в конце концов они просто от старости выпустят руль из рук».

имелись улики, а “... потому, что, будучи арестованным и обвиненным в этом преступлении, я его признал»¹³⁶.

Приведенное же после этих слов показание И.Н. Смирнова совсем не является признательным, что опровергает мнение о том, что у обвиняемых не было никакого выбора, как только признаваться в преступлениях.

«**Вышинский.** Когда же Вы вышли из “центра”?

Смирнов. Я и не собирался выходить, не из чего было.

Вышинский. Центр существовал?

Смирнов. Какой там центр»¹³⁷.

Чтобы показать, что Зиновьев, Каменев и другие осужденные были во время следствия и суда доведены до «до морального и физического истощения», и «стали к обвинениям относиться безразлично и потому признавать их», составители не нашли ничего лучшего, как привести выдержки из писем Зиновьева, написанных в апреле и мае 1935 года, т.е. более, чем за год до судебного процесса по делу «троцкистско-зиновьевского террористического центра»¹³⁸.

В справке приводились факты, свидетельствовавшие о вмешательстве Сталина и Кагановича в ход следствия и судебного процесса по этому делу. Указывалось, что они читали и правили протоколы допросов обвиняемых, предварительные варианты обвинительного заключения и приговора, что итоги судебного разбирательства были predeterminedены закрытым письмом ЦК ВКП (б) от 29 июля 1936 года «ко всем организациям партии о террористической деятельности троцкистско-зиновьевско-каменевской контрреволюционной группы». «Это письмо, — отмечалось в справке, — явилось основой для составления обвинительного заключения и приговора суда»¹³⁹.

Эти факты действительно имели место, они подтверждаются сопоставлением документов. Если бы процесс «троцкистско-зиновьевского террористического центра» был чисто **юридическим**,

---

¹³⁶ О так называемом «Антисоветском объединенном троцкистско-зиновьевском центре». С. 89.

¹³⁷ Там же.

¹³⁸ Там же. С. 89–90.

¹³⁹ Там же. С. 91.

если бы он являлся всего лишь **судебным** процессом, то подобные факты явно свидетельствовали бы о грубых нарушениях процессуальных норм и только об этом. Однако поскольку данный процесс получил первостепенное **политическое** и отчетливо выраженное **идеологическое** значение, применительно к нему правильнее было говорить *о приспособлении его юридического содержания к содержанию политическому и идеологическому.*

Л.Д. Троцкий хорошо понимал эту двойную природу августовского процесса 1936 года в Москве. Поэтому к его началу он постарался завершить работу над книгой под названием, которое подчеркивало радикально политическое значение ее содержания — **«Преданная революция. Что такое СССР и куда он идет».**

Настоящая реабилитация осужденных в результате процесса «троцкистско-зиновьевского террористического центра» бывших большевистских вождей предполагала реабилитацию не только юридическую, но также политическую и идеологическую.

Вместо этого была предпринята попытка исключительно юридической реабилитации, причем слишком поспешная и непродуманная. Она совершенно не приняла во внимание открытий западных ученых в архиве Л.Д. Троцкого. Составители справки, выпущенной в 1988 году от имени Комитета партийного контроля при ЦК КПСС, Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Прокуратуры СССР и Комитета государственной безопасности СССР, как будто вовсе и не знали об этих открытиях. Иначе не утверждали бы опрометчиво, что Троцкий никаких указаний своим сторонникам в СССР не давал. В справке говорилось, в частности:

«В январе-феврале 1935 г. органами НКВД в Ленинграде было арестовано 843 чел. бывших зиновьевцев. В период следствия над этими арестованными И.В. Сталин и Н.И. Ежов искусственно создали версию о тесной связи зиновьевцев с троцкистами, об их совместном переходе к террору против руководителей партии и Советского правительства и об объединении на этой основе всей их контрреволюционной деятельности»¹⁴⁰.

---

¹⁴⁰ Там же. С. 82.

«Согласно сфабрикованным обвинениям, основой для создания так называемого “объединенного центра” послужили показания о получении из-за границы указаний Л.Д. Троцкого о терроре. Однако эти показания никакими документальными доказательствами и другими объективными данными не подтверждались. Более того, в силу их надуманности они противоречивы и некорректны»¹⁴¹.

«Установлено, таким образом, что после 1927 г. бывшие троцкисты и зиновьевцы организованной борьбы с партией не проводили, между собой ни на террористической, ни на другой основе не объединялись, а дело об “объединенном троцкистско-зиновьевском центре” искусственно создано органами НКВД по прямому указанию и при непосредственном участии И.В. Сталина»¹⁴².

В марте 1940 года Л.Д. Троцкий, нуждаясь в деньгах, продал имевшиеся в его распоряжении бумаги, составлявшие большую часть его архива. Гарвардскому университету¹⁴³. При этом по условиям заключенного договора доступ к нему мог быть открыт лишь через сорок лет. В марте 1980 года данный срок истек, и французский исследователь Пьер Бруэ, занимавшийся подготовкой томов сочинений Л.Д. Троцкого, написанных в 1936 и 1937 годах, начал изучать хранившиеся в этом архиве документы. В результате им были обнаружены письма Льва Троцкого Льву Седову и Льва Седова Льву Троцкому, свидетельствовавшие о «существовании в Советском Союзе в 1932 году антисталинского “оппозиционного блока” (*L'existence, en Union soviétique en 1932, d'un "bloc des oppositions" contre Staline*)»¹⁴⁴. Свое сообщение об открытии и найденные письма Пьер Бруэ опубликовал в том же году в периодическом издании «Тетради Льва Троцкого (*Cahiers Léon Trotsky*)»¹⁴⁵. Документы не показывали террористической направленности данного блока, но тем не менее они давали понять, что Сталин не придумал объединение троцкистов и

---

¹⁴¹ Там же. С. 92.

¹⁴² Там же. С. 94.

¹⁴³ До этого, в 1936 г., Л.Д. Троцкий передал или продал часть своих бумаг Парижскому филиалу Амстердамского института современной истории.

¹⁴⁴ *Broué P. Trotsky et le bloc des oppositions de 1932 // Cahiers Léon Trotsky. 1980. No. 5. P. 5.*

¹⁴⁵ *Ibidem. P. 5-37.*

зиновьевцев в блок, а опирался на какие-то сведения о действительном его существовании.

Письмо Л.Д. Троцкого сыну было написано на немецком языке, а ответное письмо Льва Седова отцу — на русском языке. Оба письма можно датировать предположительно концом ноября 1932 года¹⁴⁶.

Л.Д. Троцкий писал:

«1. Мое письмо на родину уже было написано до того, как я получил ваше письмо об известии, касающемся Кол[окольникова] (это была конспиративная фамилия И.Н. Смирнова. — В.Т.). Мое письмо, очевидно, предназначено для левой оппозиции в истинном смысле этого слова. Но вы можете показать его "информатору" (под этим прозвищем выступал Гольцман, еще один осужденный в августе 1936 г. — В.Т.), чтобы он имел представление о том, как я вижу вещи.

2. Предложение о блоке мне кажутся вполне мере приемлемыми. Я должен четко дать понять, что мы имеем дело с блоком, а не со слиянием.

3. Моя предлагаемая декларация, очевидно, предназначена для нашей фракции левой оппозиции в строгом смысле этого слова (а не для наших новых союзников). Мнение союзников, согласно которому мы должны ждать более глубокого вовлечения правых, не имеет моего согласия в том, что касается нашей фракции. Борьба с репрессиями посредством анонимности и заговора, а не молчания. Потеря времени недопустима: с политической точки зрения это было бы равносильно тому, чтобы оставить поле деятельности правым.

4. Как будет выражаться блок? На данный момент главным образом путем обмена информацией. Союзники информируют нас о том, что касается Советского Союза, как мы информируем их о том, что касается Коммунистического Интернационала. Мы должны договориться об очень точных условиях переписки.

Союзники должны присылать нам корреспонденцию для Бюллетеня¹⁴⁷. Редакторы Бюллетеня обязуются публиковать

---

¹⁴⁶ Пьер Бруэ обнаружил упоминание о первом из этих писем в послании Жана Хейдженорта Льву Седову, датированном 3 июля 1937 г. См.: *Lettre de Jean van Heijenoort á Leon Sedov. 3 juillet 1937 // Cahiers Léon Trotsky. 1980. No. 5. P. 34.*

документы союзников. Но оставляют за собой право свободно комментировать их.

5. Блок не исключает взаимной критики. Любой пропаганде союзников от имени капитулянтов мы будем неумолимо, беспощадно противостоять.

6. Вопрос об экономической программе изложен в последнем номере Бюллетеня и (будет) развит в последующих выпусках»¹⁴⁸.

В ответном письме отцу Лев Седов сообщал: «[Блок] организован, в него вошли зиновьевцы, группа Стэн-Ломинадзе и троцкисты (бывшие “_____”). Группа Сафар[арова]-Тархан[ова] формально еще не вошла — они стоят на слишком крайней позиции; войдут в ближайшее время. Заявление З[иновьева] и К[аменева] об их величайшей ошибке в [19]27 г. было сделано при переговорах с нашими о блоке непосредственно перед высылкой З[иновьева] и К[аменева].

Провал группы И.Н. [Смирнова], Преобр[аженского] и Уф[имцева] (эти трое входили в центр) был сделан каким-то полусумасшедшим, больным человеком. Его арестовали случайно, — он начал выдавать. Вряд ли у И.Н. [Смирнова] и др. нашли материалы (“троцк. литература”) за несколько дней до ареста И.Н. [Смирнов] говорил нашему информатору: Х начал выдавать, я жду ареста со дня на день. Он был подготовлен благодаря наличию своего Морковкина, доставлявшего всю информац[ию]. К сожалению, его И.Н. [Смирнов] не успел передать. Информатор сообщает, что никаких провалов едущих из-за границ, вообще связанных с заграницей не было. Если есть важные вопросы, то телеграфно до четверга (то же указания).

Провал “бывших” большой удар, но заводские связи сохранялись»¹⁴⁹.

В 1985 году в гарвардском архиве Л.Д. Троцкого работал американский историк Джон Арчибальд Гетти. Ему удалось

¹⁴⁷ Имеется в виду «Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев)», издававшийся Л.Л. Седовым.

¹⁴⁸ Lettre de Trotsky á Léon Sedov // Cahiers Léon Trotsky. 1980. No. 5. P. 35–36.

¹⁴⁹ Document 1. Sedov to Trotsky 1932. Trotsky Arch[iv] 4782 // Furr G. Trotsky's Amalgams: Trotsky's Lies. The Moscow Trials as Evidence. The Dewey Commission. Trotsky's Conspiracies of the 1930s. Vol. 1. Ketteringmm, 2016. P. 503–504. Lettre de Sedov á Trotsky // Cahiers Léon Trotsky. 1980. No. 5. P. 36–37.

обнаружить квитанции об оплате посылки целого ряда писем большевистским деятелям из Советского Союза. Все они датируются периодом от апреля по декабрь 1932 года. Сокольникову и Преображенскому письма посылались Троцким в Лондон, где они тогда находились. Карлу Радеку — в Женеву. Свои письма Троцкий посылал в это время также Коллонтай и Литвинову. Копии же самих этих писем в архиве отсутствовали. Дж.А. Гетти сделал вывод о том, что кто-то провел чистку данного архива, чтобы избавить его от бумаг, свидетельствующих о том, что Троцкий, находясь за границей, продолжал общаться со своими сторонниками в СССР¹⁵⁰. О главной цели такого общения нетрудно догадаться — бывший большевистский вождь Троцкий надеялся вернуться в Советский Союз и затеять новую революцию, непременно кровавую. Другой революции Лев Давидович для России и не мыслил.

Процесс троцкистско-зиновьевского террористического центра, как бы он ни назывался, был ареной, на которой столкнулись не просто группировки влиятельных большевиков, а два принципиально различных мировоззрения, две различные идеологии и, в сущности, — **два противоположных варианта будущего нашей страны.**

---

¹⁵⁰ *Getty J.A. Origins of Great Purges. Soviet Communist Party Reconsidered, 1933-1938. Cambridge, 1987. P. 119, 245.*